

№
19296.

Armen. 36 p. 1909, II, III.

Baron. J. P. 1800. II. III.

Восток. Евр. 1901, II, III.

19296.

ДВА МѢСЯЦА

ОСАДЫ ВЪ ПЕКИНѢ

Дневникъ: 18 мая—31 іюля ст. ст. 1900 г.

...Въ виду движенія на Пекинъ возставшихъ полчищъ религиозно-политическаго общества „И-хэ-туань“ (патріотическое общество), или „И-хэ-цюань“ („кулакъ долга и согласія“), рѣшившихъ истребить всѣхъ иностранцевъ, вызваны были къ намъ иностранные десанты.

18-го мая.—Сегодня вступили въ Пекинъ десанты: русскій изъ 72 нижнихъ чиновъ, матросовъ съ „Наварина“ и „Сысой Великаго“, при двухъ офицерахъ; американскій—изъ 56 матросовъ и двухъ офицеровъ; итальянскій—изъ 39 матросовъ и трехъ офицеровъ; французскій—изъ 72 матросовъ при трехъ офицерахъ; англійскій—изъ 72 матросовъ и морскихъ солдатъ и 3-хъ офицеровъ, а японскій—изъ 24 матросовъ и двухъ офицеровъ. На другой день пришелъ нѣмецкій десантъ изъ 30 человекъ, при двухъ офицерахъ, и австрійскій—изъ 24 человекъ, при двухъ офицерахъ. У американцевъ былъ пулемѣтъ Максима, у англичанъ—Норденфильдъ, у австрійцевъ—тоже пулемѣтъ и у итальянцевъ—однодюймовое орудіе. Вотъ вся наша артиллерія. Орудіе Барановскаго, которое должно было слѣдовать при нашемъ десантѣ, почему-то не попало въ Пекинъ, хотя снаряды къ нему и были доставлены. Такимъ образомъ, весь иностранный отрядъ, не включая 7 человекъ нашихъ конвойныхъ казаковъ, состоялъ изъ 409 человекъ при 19 офицерахъ. Съ прибытіемъ десантовъ, у всѣхъ на душѣ стало спокойнѣе.

39
Библиотечка НКФ СССР

21-го мая. — Сегодня ихэтуаньцами сожжена желѣзнодорожная станція Хуанъ-цунь, лежащая въ 15 миляхъ на югъ отъ Пекина, причѣмъ ими убито 7 человѣкъ китайскихъ солдатъ.

23-го мая. — Желѣзнодорожное сообщеніе съ Тяньцзинемъ прервано, и носится слухъ, что станція Ань-динъ, въ 26 миляхъ отъ Пекина, сожжена и разрушена, а полотно дороги испорчено. Слухи о предстоящемъ сожженіи главнаго католическаго сѣвернаго храма, Бэй-танъ, вызываютъ со стороны начальниковъ десантовъ усиленіе карауловъ и особенную бдительность. Дерзость ихэтуаньцевъ, начинающихъ свободно проникать изъ китайскаго города въ маньчжурскій, въ которомъ помѣщаются посольства, дошла до того, что двое изъ нихъ, проходя у министерства финансовъ, перерубили веревки палатки, въ которой помѣщались китайскіе солдаты, не встрѣтивъ со стороны послѣднихъ не только сопротивленія, но даже возраженія. Желая открыть китайскому правительству глаза на опасность для него направленнаго противъ иностранцевъ движенія ихэтуаньцевъ, нашъ посланникъ, М. Н. Гирсъ, написалъ письмо богдохану и богдоханшѣ, въ которомъ настоятельно совѣтуетъ имъ немедленно принять самыя энергичныя мѣры къ быстрому подавленію его, указывая на тѣ неисчислимыя бѣдствія для Китая и опасность для династїи, которыя будутъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ дальнѣйшей бездѣятельности.

25-го мая. — Опять провели день въ томительномъ ожиданіи и неопредѣленности. Желѣзнодорожное сообщеніе съ Тяньцзинемъ не возстановлено. Въ виду все болѣе и болѣе надвигающейся опасности и положительнаго бездѣйствія правительства, рѣшено было вызвать изъ Тяньцзиня новыя дополнительные десанты, но это рѣшеніе встрѣтило положительный отказъ со стороны министровъ богдохана, мотивированный тѣмъ, что прибытіе новыхъ значительныхъ десантовъ послужитъ къ большому броженію умовъ и увеличенію опасности. Въ этомъ вопросѣ достоинъ всякаго порицанія образъ дѣйствій англійскаго посланника, заявившаго будто бы, что другія посольства не нуждаются въ усиленіи десантовъ и умолявшаго, чтобы ему разрѣшено было привести въ Пекинъ еще хоть 30 человѣкъ. Отъ нашего министерства никакихъ вѣстей не имѣется. Распространился тревожный слухъ, что наша духовная миссія будетъ сожжена въ субботу, 27-го. Посланникъ немедленно написалъ китайскимъ министрамъ, чтобы къ охранѣ ея были приняты самыя энергичныя мѣры, и что отвѣтственность за всякое несчастье всецѣло возлагается на китайское правительство. Министры распорядились отправить для

охраны миссіи десятка два оборвышей, которые, конечно, разбѣгутся при первой опасности, а скорѣе всего сами же примутъ участіе въ грабежѣ. Носится слухъ, что генераль Нэ, у котораго состоитъ военнымъ совѣтникомъ полковникъ Вороновъ, нанесъ ихэтуаньцамъ серьезное пораженіе у желѣзнодорожной станціи Лофа, убивъ ихъ около 600 человекъ. Если это справедливо, то ихэтуаньская неуязвимость должна будетъ пострадать въ глазахъ невѣжественной толпы. А между тѣмъ мятежники, повидимому, продолжаютъ свою разрушительную работу: говорятъ, станціи Ань-динъ и Ланъ-фанъ сожжены и разрушены.

26-го мая.—Въ виду невозможности, по малочисленности десанта, отдѣлить изъ него какую-либо часть для защиты сѣвернаго подворья (духовной миссіи), и отдаленности его отъ посольства и возрастающей опасности, — посланнику, посѣтившему архимандрита лично, удалось наконецъ, послѣ долгихъ настояній, убѣдить его переселиться въ посольство. То же напряженное и развивающееся нервы состояніе продолжается. Изданъ указъ о денныхъ и ночныхъ, конныхъ и пѣшихъ китайскихъ патруляхъ, которые, конечно, нисколько не мѣшаютъ ихэтуаньцамъ проникать въ маньчжурскій городъ. Испанскій министръ, деканъ дипломатическаго корпуса, Кологанъ, передалъ печальный слухъ о сожженіи первой отъ Пекина желѣзнодорожной станціи Ма-цзя-пу, а также и электрическаго трамвая, идущаго отъ нея къ пекинскимъ южнымъ воротамъ Юнь-динъ.

27-го мая.—Въ виду того, что сожженіе Сѣвернаго подворья назначено сегодня между 11—12 ч. утра, снова написано въ министерство о принятіи всѣхъ мѣръ къ охранѣ его. Ходитъ слухъ, что будто бы шань-дунскій губернаторъ Юань-ши-кай, у котораго состоитъ подъ командою отрядъ тысячъ въ 8 лучшаго китайскаго войска, обученнаго нѣмцами, возмутился противъ правительства. До насъ дошло печальное извѣстіе о звѣрскомъ убійствѣ нѣсколькихъ бельгійскихъ инженеровъ и одной дамы на пути изъ Бао-динъ-фу въ Тяньцзинь, — несмотря на то, что имъ данъ былъ китайскій конвой, разбѣжавшійся при первомъ же нападеніи ихэтуаньцевъ. Сегодня въ 4 часа утра сожжены Grand Stand на скаковомъ кругу, при чемъ, какъ рассказываютъ, сынъ сторожа, мальчикъ лѣтъ 12-ти, былъ изжаренъ. Слухъ о сожженіи Ма-цзя-пу и погромъ трамвая до сихъ поръ еще не подтвердился. Около Бэй-гуня (духовная миссіа) усиленъ конвой, состоящій изъ тѣхъ же никуда негодныхъ знаменныхъ солдатъ, но пока тамъ спокойно. Прибытіе отряда войскъ генерала Дунъ-фу-сяня, заядлаго ненавистника иностранцевъ, усилило тревогу

между иностранцами, такъ какъ эти войска хорошо вооружены и пользуются репутаціей храбрыхъ, испытанныхъ и дерзкихъ солдатъ. Наше тяжелое и почти безвыходное положеніе не мѣшаетъ любезному К. угощать подъ верандою, во время ночного и вечерняго бдѣнія, обычными сальными анекдотами и мечтать о наградахъ. Въ 9^{1/2} ч. вечера одинъ изъ членовъ французскаго посольства явился въ посольство съ грозными слухами о предстоящемъ, будто бы, сегодня ночью нападеніи на англійскую миссію дунъ-фу-сянцевъ, ночевавшихъ въ числѣ 30—40 человекъ за нашимъ посольствомъ на Монгольской площади. Слухъ этотъ шелъ отъ главнаго инспектора таможенъ, сэра Роберта Гарта, который, со словъ секретаря Цзунъ-ли-я-мыня, передалъ англійскому посланнику, что императрица, будто-бы, раздраженная высадкою въ Дагу новаго десанта въ 900 человекъ, предоставила дунъ-фу-сянцамъ полную свободу дѣйствія. Англійскій посланникъ сообщилъ объ этомъ французскому посланнику Пишону, и результатомъ этого была новая конференція посланниковъ. Однако, по наведеннымъ справкамъ, слухъ о предполагаемомъ нападеніи дунъ-фу-сянцевъ на этотъ разъ оказался невѣрнымъ; говорятъ, что завтра они уходятъ въ южный паркъ. Часъ отъ часу нелегче. Надъ каждымъ изъ 9 воротъ маньчжурскаго Пекина, на городской стѣнѣ поставлено по 200 человекъ изъ молодого маньчжурскаго отряда. Это вызываетъ новое чувство тревоги и безпокойства. Противъ кого же направлена эта мѣра? А между тѣмъ, и въ такія тревожныя минуты, мы не перестаемъ руководиться чисто личными чувствами и побужденіями, когда, предъ лицомъ угрожающей всѣмъ опасности, казалось бы, слѣдовало хранить полное единодушіе. Г. Б. обратился къ К. съ просьбой выдать для банковскихъ студентовъ три изъ посольскихъ штуцеровъ, оставшихся свободными и притомъ съ предварительнаго разрѣшенія начальства. Но, несмотря на это, просьба сначала была встрѣчена положительнымъ отказомъ, и только послѣ продолжительныхъ урезониваній удалось наконецъ добиться ея исполненія.

28-го мая. — Пятидесятница. Утромъ пекинцы были обрадованы утѣшительною вѣстью, что десантъ силою въ 1.100 человекъ, изъ числа коихъ было 600 англичанъ и 100 русскихъ, выѣхалъ въ 9 часовъ утра изъ Тяньцзиня по желѣзной дорогѣ, которую предполагается исправлять по мѣрѣ движенія впередъ. Въ связи съ этимъ, китайскимъ министрамъ была отправлена иностранными представителями тождественная нота, о самозащитѣ каждымъ изъ нихъ жизни своихъ подданныхъ, на которую

они отвѣчали, что китайское правительство никоимъ образомъ не можетъ допустить этого.

Утромъ сожжена англійская дача въ западныхъ горахъ и при ней церковь. Телеграфъ, служившій для насъ единственнымъ сообщеніемъ съ остальнымъ міромъ, сегодня прерванъ, такъ что теперь мы совершенно отрѣзаны отъ него. Дессанты еще не пришли.

29-го мая.—Слухи о томъ, что Юань-Ши-кай, губернаторъ Шаньдуна, возмутился, продолжаютъ держаться. Отецъ наслѣдника престола, князь Дуань, покровитель и глава ихэтуаньцевъ, назначенъ президентомъ иностранной коллегіи, при чемъ, однако, князь Цинъ, стоящій долгое время во главѣ этого учрежденія, сохранилъ свое мѣсто. Назначены также новые члены въ упомянутую коллегію: членъ государственнаго совѣта Ци-сю, сторонникъ политики князя Дуаня, Пу-сянь, членъ министерства работъ,—говорятъ, человѣкъ миролюбивый,—и На-тунъ, пользующійся репутаціей хорошаго дѣльца, человѣкъ умный, юркій и любимецъ князя Цина, завѣдующій новымъ монетнымъ дворомъ.

У посланника были министры Сюй и Юань и, подъ предлогомъ усиленія волненій и беспорядковъ, пытались уговорить его пріостановить движеніе отряда, отправленнаго изъ Тяньцзиня въ Пекинъ. На эту попытку министромъ данъ былъ отвѣтъ, что только безпрепятственное допущеніе этого отряда въ Пекинъ можетъ сохранить за нимъ мирный характеръ, что дѣятельность его будетъ заключаться въ охраненіи иностранцевъ и что онъ будетъ выведенъ, лишь только порядокъ возстановится.

Говорятъ, что въ Тунъ-чжоу сожжены чайные склады русскаго купца Батуева, а также одинъ изъ христіанскихъ храмовъ. Наша бѣдная няня, католичка, ходитъ какъ опущенная въ воду, ежеминутно трепеща за жизнь своей родни, проживающей въ деревнѣ, верстахъ въ 50-ти отъ Пекина, въ окрестностяхъ которой ихэтуаньцы уже начали свою адскую работу.

Вчера ночью, по словамъ посольскаго письмоводителя Бао, изъ китайскаго города доносились дикіе звуки ихэтуаньцевъ: „Возжигайте өміамъ и поливайте водою“ (для отгнанія чаръ). Тотъ же Бао видѣлъ на дверяхъ нѣкоторыхъ домовъ наклеенные красные листки, знакъ сочувствія ихэтуаньцамъ, быть можетъ, вынужденнаго, которые потомъ были замѣнены лоскутками красной матеріи.

Телеграфное сообщеніе не возстановлено; поэтому о движеніи и судьбѣ отряда, выступившаго изъ Тяньцзиня 28-го числа, ничего неизвѣстно. Часа въ 3—4 урядникъ посольскаго конвоя

Батурины, отправился-было на желѣзную дорогу, чтобы встрѣтить и проводить десантъ, но принужденъ былъ, изъ ближайшихъ къ посольству воротъ Цянь-мынь, возвратиться, потому что встрѣтилъ толпы людей пѣшихъ, конныхъ и въ телѣгахъ, бѣгущихъ въ смятеніи въ маньчжурскій городъ съ крикомъ, что ворота Юнь-динъ (среднія въ южной стѣнѣ китайскаго города), вслѣдствіе смятенія за городомъ, затворены и что отрядъ Дунъ-фу-сяна въ 400—300 челов. занялъ эти ворота и объявилъ, что не пропуститъ ни въ городъ, ни изъ города ни одного иностранца. Очевидно, мѣра эта принята, по распоряженію правительства, для удержанія иностраннаго отряда отъ вступленія въ Пекинъ. Несчастный канцелярскій чиновникъ японскаго посольства, пытавшійся, несмотря на заявленіе дунъ-фу-сянцевъ, что иностранцевъ не пропускаютъ, пробраться черезъ ворота Юнь-динъ на станцію Ма-цзя-пу, для встрѣчи ожидаемаго отряда, сдѣлался жертвою собственной неосторожности—его убили и тѣло зарыли на мѣстѣ, у телеграфнаго столба.

30-го мая.—Вслѣдствіе непринятія телеграммъ на Кяхту, въ 4 часа утра въ Калганъ отправленъ былъ нарочный съ телеграммою въ министерство чрезъ гг. Волосатова въ Калганъ и Коковина въ Кяхтѣ. Еще нужно было во что бы то ни стало отправить письмо въ Тяньцзинь нашему консулу Шуйскому. Послѣ долгаго разсужденія и нерѣшительности, почтовый подрячикъ, Тунъ-хэ, въ 8 ч. утра согласился, наконецъ, послать его съ тремя охотниками за 30 долларовъ. У воротъ Цянь-шанъ Тунъ-хэ слышалъ разговоръ китайцевъ, что иностранный отрядъ, будто бы, пришелъ уже въ Хуанъ-цунъ, вторая станція отъ Пекина, что у воротъ Юнь-динъ нѣтъ дунъ-фу-сянскихъ головорѣзовъ; одна часть ихъ, говорятъ, ушла въ Ихэ, загородный дворецъ богдоханши, а другая расположилась у южныхъ воротъ Южнаго парка, недалеко отъ станціи Хуанъ-цунъ. Въ городѣ замѣчается бѣльшее спокойствіе, хотя ихэтуаньцы и разгуливаютъ свободно небольшими кучками въ южномъ китайскомъ городѣ.

Въ 2 ч. пополудни посланникомъ получена по кяхтинской линіи изъ Портъ-Артура телеграмма о томъ, что полевой русскій отрядъ, въ составѣ 2.000-человѣкъ, вчера, 29-го ч., посаженъ на суда и отправляется въ Дагу. Само собою разумѣется, что эта вѣсть, послѣ вчерашняго угнетеннаго состоянія, была принята всѣми съ чувствомъ непритворной радости и облегченія. Отправленіе изъ Портъ-Артура такого сравнительно внушительнаго отряда, о которомъ, конечно, тотчасъ же было извѣщено своими агентами китайское правительство, повидимому, подѣйствовало

на него отрезвляющимъ образомъ и имѣло непосредственнымъ слѣдствіемъ открытіе приема телеграммъ на Кяхту и посѣщеніе иностранныхъ представителей, по спеціальному высочайшему повелѣнію, старыми членами цзунъ-ли-я-мыня, Чжао Шу-цяо, Сюй, Цзинъ-чэномъ, и новыми, Ци-сю и Натуномъ. Передавъ, что императрица очень заботится о семействахъ посланниковъ и другихъ иностранцевъ и проситъ ихъ не безпокоиться, Ци-сю сталъ выражать опасеніе, какъ бы присутствіе въ столицѣ значительнаго иностраннаго отряда не повело къ столкновенію съ негодными элементами, которыхъ такъ много въ Пекинѣ, и потому совѣтовалъ держать команды въ стѣнахъ посольствъ. Затѣмъ г. посланникомъ выражено было сожалѣніе, что правительство не вняло его добрымъ и благовременнымъ, дружескимъ совѣтамъ о необходимости принятія дѣятельныхъ мѣръ къ подавленію возстанія, грозящаго крайнею опасностью государству, что оно не озаботилось даже своевременнымъ врученіемъ въ подлинникѣ его письма къ ихъ величествамъ и что главные вожаки ихэ-туаньцевъ не арестованы и не наказаны. Послѣдній намекъ, попавъ не въ бровь, а въ глазъ, поразилъ делегатовъ богдоханши до такой степени, что они уже готовы были подняться и откланяться, какъ посланникъ поспѣшилъ заявить имъ, что онъ проситъ ихъ передать ихъ величествамъ, что и въ настоящее смутное время онъ приложитъ всѣ свои усилія къ сохраненію дружественныхъ отношеній Россіи съ Китаемъ и что единственною обязанностью иностранныхъ десантовъ въ столицѣ будетъ охраненіе жизни и имущества русскихъ подданныхъ и невмѣшательство въ дѣла китайскаго управленія. Послѣднее заявленіе, составлявшее, по видимому, всю суть спеціальной миссіи министровъ, привело ихъ въ телячій восторгъ, и они удалились, какъ кажется, вполне довольные успѣшнымъ выполненіемъ возложеннаго на нихъ порученія.

Часовъ въ пять вечера отъ русскихъ резидентовъ въ Калганѣ была получена телеграмма о томъ, что въ народѣ сильное волненіе и что были случаи нападенія на американскихъ миссіонеровъ, удалившихся поэтому въ Монголію; но что они сами, имѣя на складахъ массу чаевъ, не могутъ послѣдовать ихъ примѣру и просятъ русскую охрану. Не имѣя никакой возможности исполнить просьбу нашихъ соотечественниковъ въ буквальномъ смыслѣ, миссія немедленно предложила цзунъ-ли-я-мыню тотчасъ же телеграфировать чахарскому генералу о принятіи самыхъ дѣятельныхъ мѣръ къ охраненію русскихъ подданныхъ, о чемъ послѣдніе также извѣщены телеграммой. Но отправлена ли она—не

извѣстно, такъ какъ въ 7 часовъ вечера здѣшняя телеграфная контора извѣстила, что телеграфъ на Кяхту поврежденъ.

31-го мая.—Возвращавшійся изъ Тяньцзиня почтарь сообщилъ, что, при слѣдованіи въ Тяньцзинь 28-го числа, онъ видѣлъ на янъ-цуньскомъ желѣзнодорожномъ мосту (30 верстъ отъ Тяньцзиня) 4 орудія изъ отряда генерала Нэ, и что мостъ не поврежденъ; а затѣмъ, на обратномъ пути 29-го въ понедѣльникъ, у Ланъ-фана, въ 40 миляхъ отъ Тяньцзиня, ровно на полпути отъ Пекина, онъ видѣлъ поѣздъ съ иностраннымъ отрядомъ, двигавшійся по мѣрѣ исправленія пути, испорченнаго ихэтуаньцами.

На воротахъ китайцевъ, симпатизирующихъ, такъ или иначе, ихэтуаньцамъ, красуются уже въ значительномъ количествѣ кусочки краснаго полотна или бумаги. Особенно много такихъ украшеній въ китайскомъ городѣ, гдѣ боксеры, вооруженные копьями и саблями, свободно разгуливаютъ по улицамъ въ особенности за воротами Хада-мынь (южныя ворота на В.). Не мало вошло ихъ вчера совершенно открыто чрезъ Цянъ-мынь въ маньчжурскій городъ. Въ 11 ч. 30 м., германскій посланникъ, баронъ Кетлеръ, самолично арестовалъ на Посольской улицѣ одного ихэтуаньца, мальчишку лѣтъ 17. Арестъ этотъ, кажется, ускорилъ событія. Послѣдствіемъ этого было сожженіе въ тотъ же день всѣхъ христіанскихъ храмовъ и учрежденій, расположенныхъ въ восточной части маньчжурскаго города: Цянъ-тана, Фу-анъ-тана, храма епископальныхъ методистовъ, жилища таможенныхъ чиновниковъ, нашего Сѣвернаго подворья и восточнаго католическаго храма. На нашей Посольской улицѣ—постоянная тревога. Вечеромъ нѣмцы убили съ городской стѣны 7 ихэтуаньцевъ изъ толпы, собравшейся подъ стѣною для упражненій. Всѣ попытки получить какія-либо свѣдѣнія о движеніи иностраннаго отряда послѣ Лофа—третья станція отъ Тяньцзиня—чрезъ китайскихъ курьеровъ оказались безуспѣшными, такъ что наконецъ китайцы, изъ боязни попасться въ руки ихэтуаньцевъ, повидимому имѣющихъ строгій надзоръ за шпионами, уже не рѣшаются отправляться на встрѣчу иностранному отряду. Ждемъ съ невыразимымъ нетерпѣніемъ иностранный смѣшанный и русскій полевой отряды, которые намъ, осажденнымъ и окруженнымъ въ городѣ, кажется, движутся съ непонятною медленностью. Толпа ихэтуаньцевъ, собравшаяся на западномъ концѣ Посольской улицы и грозившая ринуться по ней, вызвала со стороны нашихъ и американскихъ моряковъ мѣру предосторожности—постройку баррикады. Въ теченіе дня было двѣ тревоги.

Обысканы всѣ дома, прилегающіе къ посольству, изъ коихъ многіе оказались пустыми. Громадное пламя въ юго-западной части маньчжурскаго города и столбы дыма, уносившагося въ облака, сказали намъ, что горитъ южный, старинный католическій храмъ съ его орфелинадами, школами и больницей. Содержатель пекинской гостиницы, швейцарецъ Шамо, съ партіей волонтеровъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, отправился въ южный храмъ, и ему, несмотря на толпы ихэтуаньцевъ, удалось спасти все иностранное населеніе его. Въ половинѣ восьмого вечера была новая тревога, а спустя немного, на восточной сторонѣ канала, между посольскимъ и южнымъ мостами, нашими матросиками былъ схваченъ пробиравшійся у стѣны китаецъ съ пачкою зажженныхъ курительныхъ свѣчей, который, на произведенномъ ему мною допросѣ, хотя и отрицалъ принадлежность свою къ ихэтуанизму и злой умыселъ, но, очевидно, онъ былъ поджигатель; его оставили подъ арестомъ. Ночью южный городъ огласился ужасными криками многотысячной толпы: „бить, бить“, сопровождавшимися поджогами и убійствами;—это былъ настоящій адъ.

2-го іюня.—Для охраны и сопровожденія несчастныхъ католиковъ-китайцевъ, бѣжавшихъ послѣ погрома южнаго храма, отправился отрядъ изъ 18 русскихъ матросовъ, съ начальникомъ десанта, барономъ Раденомъ, во главѣ, и 10 американскихъ солдатъ съ капитаномъ Мейерсомъ. Тяжело было смотрѣть на толпы несчастныхъ, лишенныхъ крова и всего, съ малыми дѣтьми на рукахъ, слѣдовавшихъ подъ охраною нѣсколькихъ иностранныхъ воиновъ. Но среди этой массы несчастнаго люда особенно ужасную, душу раздирающую картину представляла молодая мать съ широко раскрытыми и обезумѣвшими отъ ужаса глазами, говорившая о гибели трехъ своихъ малютокъ. Возвратившійся отрядъ привелъ съ собою съ пожарища 10 грабителей, которые, вмѣстѣ съ пойманнымъ вчера поджигателемъ, были посажены подъ арестъ. Вечеромъ послѣдній сдѣлалъ-было попытку освободиться и началъ выламываемыми изъ подоконника кирпичами бросать въ часового, пытаясь въ то же время загасить лампу, но былъ убитъ изъ ружья часовымъ. Остальные плѣнники были перевязаны каждый отдѣльно. Зловѣщая ночная тишина въ китайскомъ городѣ.

3-го іюня.—Въ 10 часовъ утра страшные, густые клубы дыма въ китайскомъ городѣ возвѣстили, что ихэтуаньцы продолжаютъ свою дьявольскую работу. Море волнуемаго вѣтромъ пламени въ нѣсколько часовъ истребило лучшую, торговую часть

города. Однихъ банковыхъ конторъ сгорѣло болѣе двадцати. Убытки опредѣляются десятками милліоновъ. Первыми жертвами поджоговъ явились китайскія лавки, торговавшія какими бы то ни было иностранными товарами. Жертвою пламени сдѣлалась и одна изъ башенъ Цянь-мыньскихъ воротъ, отъ которыхъ перебросило искры на западную деревянную арку Посольской улицы. Хотя изъ посольства къ ней немедленно отправился отрядъ нашихъ матросовъ, подъ командою барона фонъ-Радена, однако, изъ опасенія, какъ бы пламя не перебросилось по направленію посольства, отдано было приказаніе сломать нѣсколько китайскихъ домовъ, прилегающихъ къ его западной стѣнѣ. Цѣлый вечеръ и слѣдующее утро мы заняты были перевозкою и бросаніемъ въ каналъ лѣса изъ разрушенныхъ домовъ. Въ китайскомъ городѣ грабежи, пожары и убійства сдѣлались лозунгомъ дня. Никакіе богдоханскіе указы, грозившіе немедленною казнью, не могли остановить разбушевавшихся страстей разнузданныхъ негодяевъ.

Около двухъ часовъ ночи ихэтуаньцы съ нѣсколькими солдатами изъ отряда Дунъ-фу-сяна открыли ружейный огонь противъ постовъ русско-китайскаго банка у городской стѣны. Поднялась тревога. Секретарю банка, г. Барбье, удалось ранить одного дунъ-фу-сянца, который, бросивъ штуцеръ Маузера 1872 года и кусокъ своего мундира, бѣжалъ, оставивъ за собою слѣдъ крови.

4-го іюня.—А десантовъ и отряда нѣтъ, какъ нѣтъ! Въ виду разныхъ тревожныхъ слуховъ и угрозъ—состояніе тяжелое, напряженное. Никто изъ китайцевъ не беретъ доставить письмо въ Тяньцзинь. Вечеромъ съ южной стороны банка опять тревога, сопровождаемая нѣсколькими одновременными залпами американцевъ, оставшимися безъ отвѣта. Оно и понятно, потому что непріателемъ оказалась черная собака, поплатившаяся за свою дерзость жизнью. Фактъ этотъ, ничтожный и смѣшной самъ по себѣ, показываетъ, до какой степени были взвинчены нервы даже такихъ молодцовъ, какъ американскіе солдаты.

Китайцы-сосѣди выселяются изъ боязни пострадать съ иностранцами и отъ иностранцевъ. 10 грабителей, захваченныхъ нашимъ и американскимъ десантами, переданы китайской полиціи, какъ говорятъ, для немедленной смертной казни.

5-го іюня.—Курьеръ, отправленный въ Тяньцзинь 31-го мая, привезъ извѣстіе, что 2-го іюня вечеромъ и ночью была схватка между иностранными отрядами и ихэтуаньцами у тяньцзинскаго желѣзнодорожнаго моста и у южныхъ городскихъ

воротъ, что нашъ полевой отрядъ, имѣвшій назначеніе выступить въ Пекинъ, 2-го, еще не выступалъ — и что протестантскій храмъ, западный арсеналъ и желѣзная дорога до Тянь-шаньскихъ каменноугольныхъ копей сожжены и разрушены.

Въ 4 часа по полудни, г. посланника посѣтили, по специальному высочайшему повелѣнію, министры Сюй-Цзинъ-чэнь, Сюй-Юнь-и, Ли-шаню и Лянь-юань, передавшіе семействамъ посланника и членовъ миссіи пустыя слова утѣшенія со стороны богдоханши и выразившіе отъ лица правительства, что вступленіе въ Пекинъ новыхъ иностранныхъ отрядовъ произведетъ новое движеніе ихэтуанцевъ, опасное для иностранцевъ, и что между первыми и послѣдними можетъ произойти столкновеніе у Фынъ-тай'я, второй желѣзнодорожной станціи отъ Пекина. На это посланникъ отвѣчалъ: „Пусть попробуютъ, и тогда узнаютъ, что и они не застрахованы отъ иностранныхъ пуль и мечей“.

Часовъ съ трехъ ночи пошелъ проливной дождь, продолжавшійся всю ночь. Я упоминаю объ этомъ совершенно обыкновенномъ явленіи потому, что засуха, продолжавшаяся чуть не цѣлый годъ, была приписана ихэтуанцами чарамъ иностранцевъ, истребленіемъ которыхъ только и могло быть восстановлено нарушенное равновѣсіе силъ природы; затѣмъ, мы полагали, что этотъ обильный дождь заставитъ массу сельскаго населенія, приставаго къ мятежникамъ по неволѣ и отъ бездѣлья, возвратиться къ своимъ сельскимъ занятіямъ. Ночь прошла спокойно, безъ особенныхъ приключеній.

6-го іюня.—Въ 4 часа послѣдовало объявленіе войны, и цзунъ-ли-я-мынемъ во всѣ миссіи было разослано сообщеніе съ указомъ императрицы объ оставленіи всѣми иностранцами Пекина въ 24 часа, такъ какъ ихъ пребываніе въ немъ признается небезопаснымъ. Императрица обѣщаетъ дать перевозочныя средства. Дипломатическій корпусъ отвѣчалъ, что иностранцы не могутъ оставить Пекинъ ранѣе чѣмъ черезъ 48 часовъ.

7-го іюня.—Въ виду совершенно основательныхъ опасеній вѣроломства въ пути со стороны китайскаго конвоя, рѣшено остаться въ Пекинѣ, съ переселеніемъ большей части иностранцевъ въ англійскую миссію, какъ наиболѣе помѣстительную и безопасную, куда, въ случаѣ крайности, должны были собраться всѣ десанты. Всѣ дамы съ дѣтьми переселились въ нее въ тотъ же день. Въ этотъ же день былъ убитъ несчастный германскій посланникъ, который, несмотря на предостереженія и совѣты своихъ коллегъ, со свойственнымъ ему упрямствомъ отправился съ драгоманомъ Кордесомъ въ цзунъ-ли-я-мынь для объясненій

относительно перевозочныхъ средствъ. У Сянь-лянъ-цы, китайскаго пантеона, онъ былъ сраженъ пулею поджидавшаго его китайскаго отряда. Г. Кордесу, раненому, удалось встрѣтить высланный за посланникомъ нѣмецкій конвой, съ которымъ онъ и возвратился въ посольство. Вѣсть о такомъ неслыханномъ злодѣяніи, жертвою котораго сдѣлался представитель иностранной державы, произвела на всю иностранную колонію самое удручающее дѣйствіе, служа зловѣщимъ показателемъ того, что ихэтуаньцы, въ соединеніи съ правительственными войсками, не остановятся ни предъ чѣмъ, чтобы уничтожить горсть ненавистныхъ имъ иностранцевъ.

9-го іюня.—Раненъ въ плечевую кость г. Браунсъ, студентъ русско-китайскаго банка, въ то время, какъ онъ пытался укрыться въ квартирѣ г. Позднѣва отъ убійственнаго огня, открытаго китайцами съ городской стѣны. Въ тотъ же день былъ также раненъ въ голову, но довольно легко, урядникъ посольскаго конвоя, Батуринъ.

10-го іюня.—У насъ ранено 4 матроса, изъ нихъ двое очень серьезно. Съ тяжелымъ чувствомъ каждый изъ насъ смотрѣлъ, какъ передъ нашею квартирою въ англійскомъ посольствѣ проносили въ госпиталь этихъ несчастныхъ, пролившихъ свою кровь за насъ и въ то же время уменьшившихъ и безъ того не густые ряды нашихъ защитниковъ.

11-го іюня.—Днемъ было сильное нападеніе на посольства: американское, русское и англійское. Двухтысячная толпа ихэтуаньцевъ устремилась съ городской стѣны къ американскому посольству и русско-китайскому банку и, чрезъ дворъ иностраннаго магазина Имбека, напала на русское посольство, а отдѣлившаяся отъ нея часть сдѣлала нападеніе съ Монгольской площади на англійское посольство. Нападеніе на русское посольство было настолько сильно, что ихэтуаньцы съ ожесточеніемъ хватились за штыки нашихъ матросовъ; но русскій штыкъ—молодецъ, какъ и всегда, не ударилъ въ грязь лицомъ: ихэтуаньцы были отбиты съ большимъ урономъ и, слава Богу, безъ всякихъ потерь съ нашей стороны. Въ англійскомъ посольствѣ около сѣверныхъ конюшенъ ихэтуаньцы произвели, изъ зажженнаго ими Хань-линя—академіи наукъ—поджогъ и одновременно съ вспыхнувшимъ пожаромъ—нападеніе. Дружными усиліями всѣхъ пожаръ былъ потушенъ и нападеніе отражено. Жертвою пламени сдѣлалась богатая и рѣдкая бібліотека академіи.

12-го іюня.—Охваченные со всѣхъ сторонъ, словно желѣзнымъ кольцомъ, ихэтуаньцами и правительственными войсками,

мы были буквально отрѣзаны отъ внѣшняго міра; мало того, мы даже почти не знали, что творится въ самомъ Пекинѣ и въ правительственныхъ сферахъ. Но въ этотъ день одному китайцу-протестанту удалось пробраться за баррикады въ китайскій городъ и принести намъ нѣсколько номеровъ китайской правительственной газеты, въ которой, между прочимъ, были помѣщены указы объ объявленіи войны и о побѣдахъ, одержанныхъ, будто бы, правительственными войсками надъ иностранцами въ Тяньцзинѣ 4, 5 и 6 іюня, при чемъ восхваляется безкорыстный патриотизмъ и мужество ихэтуаньцевъ, которые, безъ правительственной помощи деньгами и людьми, служатъ великую службу своему отечеству и имъ внушается продолжать проявленіе своей преданности престолу, который, само собою разумѣется, не забудетъ наградить ихъ по заслугамъ. Указъ объ объявленіи войны, какъ интересный актъ государственной важности, мы помѣщаемъ въ примѣчаніи ¹⁾.

¹⁾ „Съ основанія нашей династіи иностранцы, посѣщавшіе Китай, пользовались въ немъ хорошимъ обращеніемъ. Въ царствованіе Дао-гуана и Сянь-фына имъ разрѣшена была торговля, и они просили также дозволенія проповѣдывать свое ученіе—просьба, на которую правительство неохотно дало свое согласіе. Вначалѣ они не выходили изъ повиновенія, но за послѣднія 30 лѣтъ, пользуясь снисходительностью Китая, они стали посягать на его территорію, поспирать китайскій народъ и домогаться богатствъ Китая. Каждая уступка Китая увеличивала ихъ нахальство. Они угнетали мирныхъ гражданъ, оскорбляли боговъ и святыхъ мужей, вызывая самое горячее негодованіе въ средѣ населенія. Это повлекло за собою сожженіе ихъ храмовъ и избіеніе обращенныхъ патриотами. Горячо желая избѣжать войны, правительство издавало указы, въ которыхъ повелѣвалось охранять посольства и щадить обращенныхъ. Указы, объявляющіе ихэтуаньцевъ и обращенныхъ христіанъ одинаково дѣтьми отечества, издавались въ надеждѣ устранить старую между ними вражду, и крайняя доброта издавна была оказываема иностранцамъ. Но этотъ народъ не зналъ чувства благодарности и все продолжалъ увеличивать свое давленіе на Китай. На дняхъ было получено сообщеніе Дю-Шаляра (французскаго генеральнаго консула) въ Тяньцзинѣ съ требованіемъ сдачи дагускихъ укрѣпленій иностраннымъ войскамъ; въ противномъ случаѣ они будутъ взяты силою. Эти угрозы показали, что они имѣютъ въ виду захваты. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся международныхъ сношеній, мы всегда были вѣжливы по отношенію къ нимъ, между тѣмъ какъ они, называя себя цивилизованными государствами, дѣйствовали безъ всякаго уваженія къ праву, опираясь только на грубую силу. Мы царствовали почти 30 лѣтъ, обходились съ народомъ какъ съ нашими дѣтьми, народъ почиталъ насъ какъ божество, и въ теченіе нашего царствованія мы пользовались милостивымъ вниманіемъ вдовствующей императрицы. Далѣе, наши предки помогали намъ и боги отзывались на наши призывы, и никогда не было такого всеобщаго проявленія преданности и патриотизма. Со слезами мы объявили о войнѣ въ храмѣ предковъ. Мы предпочли прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ и вступить въ борьбу, чѣмъ, цѣною вѣчнаго позора, искать какихъ-нибудь средствъ къ сохраненію своей жизни. Мнѣніе наше раздѣляютъ всѣ чины, и сотни тысячъ солдатъ-патриотовъ (ихэтуаньцы) собрались безъ нашего призыва; даже дѣти—и тѣ та-

13-го іюня.—Всю ночь было сильное нападеніе на русское посольство, сопровождавшееся непрерывною стрѣльбою, но, къ счастью, не причинившее никакого урона въ людяхъ. Американцы, хотя и удержались на стѣнѣ, но сильно устали, и имъ послано въ помощь 10 нашихъ матросовъ и по 10 отъ другихъ десантовъ. Начальникъ нашего десанта, баронъ Раденъ, вслѣдствіе того, что не спитъ уже около трехъ недѣль, проводя всѣ ночи на баррикадѣ, страшно усталъ, исхудалъ, находится вѣчно въ возбужденномъ настроеніи духа, мрачно смотритъ на будущее, что, конечно, сообщается и лицамъ, окружающимъ его. Зато Врублевскій не падаетъ духомъ, хотя и не поддается иллюзіямъ.

Въ англійскомъ посольствѣ, отличающемся образцовою организаціей и порядкомъ во всемъ касающемся благосостоянія ея обитателей ¹⁾, кипитъ работа по укрѣпленію наружныхъ стѣнъ и домовъ: дамы, не покладая рукъ, шьютъ мѣшки, которые мужчины набиваютъ землею и выводятъ изъ нихъ баррикады, а также копаютъ и устраиваютъ погреба отъ орудійныхъ снарядовъ; не входящіе въ ряды волонтеровъ поочередно держатъ ночные патрули съ внутренней стороны стѣнъ посольства. Между тѣмъ пули и снаряды свистятъ и падаютъ во всѣхъ направленіяхъ. Въ занимаемой нами комнатѣ съ глубокою верандою осколкомъ гранаты пронизало дверное стекло, пробило стѣну книжнаго шкафа и затѣмъ самый осколокъ зарылся въ книгу; въ другой разъ пуля попала въ дѣтское платье, сложенное на стулѣ, и сдѣлала въ немъ правильный рядъ дырочекъ.

щать копыя на службу отечеству. Иностранцы опираются на хитрость, мы же возлагаемъ надежду на небесную справедливость; они опираются на насиліе, а мы—на человеколюбіе. Не говоря о правотѣ нашего дѣла, у насъ болѣе 20 провинцій, въ которыхъ болѣе 400 милліоновъ народу, и намъ не трудно будетъ поддержать достоинство нашей страны".—Докладъ обѣщаетъ щедрыя награды отличившимся въ бою или жертвовавшимъ, и угрожаетъ тяжкимъ наказаніямъ трусамъ и предателямъ.

¹⁾ Со дня переселенія иностранцевъ въ англійское посольство, въ немъ былъ организованъ генеральный комитетъ, который обязанъ былъ имѣть общее наблюденіе надъ всѣми распорядками, необходимыми для общаго благосостоянія тѣхъ лицъ, которыя въ данный моментъ стали гостями британскаго посольства. Къ нему должны были обращаться со всѣми претензіями и совѣтами, касающимися общаго блага. Въ составъ этого комитета вошли слѣдующія лица: его преподобіе Е. Тіуксбери, американскій миссіонеръ, Г. Кокборнъ, первый драгоманъ англійскаго посольства, его преподобіе В. Гобартъ, американскій миссіонеръ, Е. Морисъ, первый драгоманъ французскаго посольства, Р. Бридонъ, помощникъ главнаго инспектора таможенъ, П. С. Поповъ, генеральный консулъ и первый драгоманъ россійскаго посольства, и В. Крюгеръ въ качествѣ членовъ. При комитетѣ состояли слѣдующія отдѣленія: провіантское, регистраціонное, работъ, санитарное, пожарное, инженерное и конюшенное, каждое подъ управленіемъ одного или двухъ компетентныхъ лицъ.

Около 12 ч. ночи китайцы открыли ужасную пальбу залпами, которая вдругъ прервала тяжелый сонъ обитателей англійскаго посольства. Раздались зловѣщіе звуки набатнаго колокола, призывающіе волонтеровъ на помощь регулярной командѣ. И въ этотъ разъ нападеніе было благополучно отбито.

14-го іюня.—Изъ главнаго укрѣпленія, маскировавшаго ворота посольства, послѣ полудня на сѣверномъ мосту была усмотрѣна доска съ наклееннымъ на ней объявленіемъ, заключавшимъ слѣдующій указъ: „Въ видахъ оказанія защиты иностраннымъ посольствамъ, стрѣльба по нимъ не дозволяется“. Далѣе, было прибавлено, что сообщеніе по этому предмету будетъ передано на мосту. Но посланные съ этимъ документомъ парламентеры съ бѣлымъ флагомъ, испугавшись вооруженныхъ иностранныхъ солдатъ, не рѣшились приблизиться къ баррикадированнымъ воротамъ англійскаго посольства и возвратились вспять. Въ результатѣ, вмѣсто ожидаемаго затишья, получилось новое сильное нападеніе,—слава Богу, успѣшно отраженное.

15-го іюня.—До настоящаго дня было убито три русскихъ матроса, которыхъ похоронили въ саду посольства за церковью, гдѣ они лежатъ съ своими товарищами по оружію, доблестными американскими солдатами. Въ нашемъ посольствѣ, благодаря присутствію массы китайскихъ труповъ, на прилегающей къ нему Монгольской площади, чувствуется сильный трупный запахъ. Шитье мѣшковъ для баррикадъ продолжается съ неослабною энергіей. Матеріаломъ для нихъ служатъ на ряду съ простыми тканями и богатыя портьеры, и обои изъ разныхъ дорогихъ матерій.

Къ вечеру наши враги открыли по нашему посольству огонь изъ орудія. Жутко и страшно было слушать, какъ гремѣло орудіе и рвались шрапнели; нѣсколько изъ нихъ съ оглушительнымъ трескомъ разорвались у самаго дома посланника. Счастье наше, что китайцы, окружавшіе иностранныя посольства, далеко не отличались мѣткостью стрѣльбы изъ орудій.

16-го іюня.—Стрѣльба изъ орудій продолжается по прежнему, какъ по русскому, такъ и по другимъ посольствамъ, и производитъ удручающее впечатлѣніе на всѣхъ и въ особенности на дѣтей, которыхъ насчитывается въ стѣнахъ англійскаго посольства болѣе 70 иностранныхъ и почти столько же китайскихъ. Вдобавокъ ко всѣмъ этимъ ужасамъ, вотъ уже нѣсколько дней, какъ мы стали питаться кониной, не исключая и дѣтей, которымъ, однако, по понедѣльникамъ и четвергамъ отпускалось еще немного баранины. Эта привилегія распространялась въ те-

ченіе нѣкотораго времени и на дамъ. Что касается конины, то, быть можетъ, она и вкусна въ парижскихъ ресторанахъ подъ разными соусами, но въ обыкновенномъ приготовленіи, по моему мнѣнію, она далеко уступаетъ говядинѣ и даже мясу мула, съ которымъ намъ также пришлось познакомиться.

Сегодня одному нашему матросу прострѣлили фуражку на баррикадѣ навзлетъ, нисколько не задѣвъ головы. Прежде раненные, и довольно серьезно, наши матросики Горячевъ и Ледневъ, любимцы моихъ дѣвочекъ, начинаютъ нѣсколько поправляться.

Днемъ было сдѣлано нападеніе на французское посольство, во время котораго китайцы заняли конюшни и убили двухъ французскихъ матросовъ, которыхъ, вслѣдствіе того, что изъ нихъ, для защиты сѣвернаго католическаго монастыря, на первыхъ порахъ было отдѣлено 30 ч., остается весьма немного. Нашему храброму и хладнокровному защитнику, мичману Дэну, крайне надоѣла мѣткая стрѣльба двухъ дунъ-фу-сянцевъ, и онъ рѣшился во что бы то ни стало покончить съ ними. А стрѣлокъ онъ отличный. Просверливъ новое отверстіе въ баррикадѣ, онъ убилъ этихъ двухъ сорванцовъ наповаль. Въ этотъ же день ему удалось убить около нашей конюшни одного, повидимому, важнаго, дунъ-фу-сянскаго офицера, который, въ сопровожденіи двухъ нижнихъ чиновъ, съ вѣромъ въ рукахъ осматривалъ позиціи. Пуля сразила его на смерть, и люди едва успѣли утащить трупъ его. Какъ видно, въ этотъ день китайцамъ не везло. Во время стрѣльбы по русскому посольству у нихъ разорвало орудіе и убило, говорятъ, массу людей. У англичанъ убитъ одинъ солдатъ въ то время, какъ онъ, возвратившись съ караула, снималъ у дверей казармы свой патронташъ.

Около 10 ч. вечера, когда разразилась ужасная гроза съ проливнымъ дождемъ, когда, въ силу традиціонной боязни дождя китайцами, менѣе всего можно было ожидать съ ихъ стороны нападенія, ими произведено было ожесточенное нападеніе на англійское посольство со стороны южныхъ конюшенъ и одновременно на русское. Трудно себѣ представить картину болѣе демоническую, адскую, какъ это ночное нападеніе въ соединеніи съ величественною грозою. Безпрерывные раскаты грома, сопровождаемые огненными вспышками молніи, сливались съ грохотомъ выстрѣловъ, представляя одну хаотическую массу звуковъ. Пули летали градомъ, то стучаясь объ стѣны, то, съ пронзительнымъ свистомъ и трескомъ, вонзались въ деревья или отрывали у нихъ цѣлыя вѣтви.

17-го іюня.—Стрѣльба китайцевъ хотя и продолжается, но

далеко не съ такимъ ожесточеніемъ, какъ наканунѣ, и наши защитники, особенно русскіе, крайне бѣдно снабженные патронами, почти на нее не отвѣчаютъ. Какъ иностранцы, такъ и китайцы неутомимо занимаются укрѣпленіемъ своихъ позицій и возведеніемъ новыхъ баррикадъ. Китайцы возвели сильную баррикаду противъ русскихъ конюшенъ и весь день занимались укрѣпленіемъ Цянь-мыньскихъ и Хада-мыньскихъ воротъ, вѣроятно въ ожиданіи приближенія нашихъ войскъ, о движеніи которыхъ намъ-то, къ сожалѣнію, ничего неизвѣстно. Отправленіе гонцовъ въ Тяньцзинь, даже за значительное вознагражденіе, сопряжено съ большими затрудненіями и опасностями, такъ какъ китайцы весьма бдительны; притомъ же выходъ изъ города возможенъ только спускомъ со стѣны у американской баррикады, да чрезъ шлюзъ у моста. Ночью спустили двухъ японцевъ, рѣшившихся пробраться на встрѣчу арміи.

Католическій сѣверный храмъ — Бэй-тань, въ которомъ собрано болѣе 1.500 христіанъ-китайцевъ подъ защитою 30 французскихъ и 18 итальянскихъ матросовъ, окруженный желѣзнымъ кольцомъ китайскихъ солдатъ, также подвергается постоянному бомбардированію и вѣроятно терпитъ отъ недостатка продовольствія.

На городской стѣнѣ нѣмцы потеряли трехъ убитыми и семь ранеными. Невообразимо тяжелое чувство производитъ каждая утрата изъ рядовъ нашихъ храбрыхъ защитниковъ. Въ госпиталѣ, кромѣ профессиональныхъ сестеръ милосердія, работаютъ еще русскія дамы, г-жи: Гирсъ, Корсакова, Позднѣва, Барбье и Титова, а также неутомимый труженикъ, проникнутый глубокимъ чувствомъ самоотреченія и любви къ ближнему, нашъ глубокоуважаемый духовникъ о. Авраамій, котораго, кромѣ ухода за ранеными, видишь и съ мотыкою въ рукахъ копающимъ землю для мѣшковъ, таскающимъ бревна и доски для баррикадъ и отбывающимъ ночную дозорную службу. За исключеніемъ ухода за ранеными, тѣ же работы большую часть осаднаго времени несъ о. діаконъ Василій Ивановичъ Скрижалинъ.

18-го іюня. — Сегодня о. Авраамій отслужилъ въ столовой обѣдницу, послѣ которой многіе причастились запасными дарами. Затѣмъ, воскресная служба въ посольской церкви, можно сказать подъ пулями и гранатами, продолжалась все время осады; причемъ продолжалъ пѣть нашъ хоръ, состоявшій большею частью изъ дамъ и дѣтей подъ управленіемъ Д. М. Позднѣва, которому принадлежала и честь организациі его.

Ужасный день! Сегодня прибыло въ госпиталь около 20 че-

ловѣкъ раненыхъ, такъ что Браунса, чувствовавшего себя значительно лучше, перевели въ маленькую комнатку, служившую въ то же время и складомъ для муки и риса. Въ французскомъ посольствѣ убитъ на повалъ студентъ таможни, волонтеръ Вагнеръ. Американцы продолжаютъ оставаться на стѣнѣ, внизу которой строятъ баррикаду изъ мѣшковъ и кирпича. Китайцы поставили орудіе недалеко отъ французскаго посольства и, открывъ изъ него огонь, пробили брешь въ стѣнѣ. Вслѣдствіе этого французы оставили-было свое посольство на произволь китайцевъ, но, по настоянію барона Радена, снова возвратились въ него.

19-го *іюня*.—Ночь прошла сравнительно спокойно. Англійскій посланникъ изъ дома своего секретаря, служившаго дозорною вышкою, и штабсъ-капитанъ Врублевскій съ городской стѣны ясно видѣли сигнальные электрическіе огни. Конечно, всѣ старались увѣрить себя, что это сигналы союзныхъ войскъ. Сэръ Клодъ утверждалъ даже, что это хорошо знакомые ему сигналы съ броненосца „Terrible“, на которомъ, будто бы, только и имѣются такіе. Китайцы постепенно оставляютъ укрѣпленія на городской стѣнѣ и направляются къ Хада-мыньскимъ—юго-восточнымъ—воротамъ; по мнѣнію однихъ, они идутъ на встрѣчу иностраннымъ войскамъ, а другіе полагаютъ, что они замышляютъ нападеніе на насъ; съ баррикадъ ихъ сняты флаги. Ночью китайцы пускаютъ ракеты, какъ сигналъ для нападеній, такъ и для освѣщенія нашихъ позицій. Ночные сигнальные рожки отряда Дунъ-фу-сяна вызываютъ въ душѣ тревогу, потому что они большею частью предшествуютъ нападенію на насъ.

20-го *іюня*.—Въ третьемъ часу ночи соединенныя силы русскихъ, американцевъ и англичанъ, всего не болѣе 50 человѣкъ, атаковали и взяли китайскую баррикаду на стѣнѣ. Русскіе, ударивъ съ фронта, прямо попали подъ перекрестный огонь изъ 15 человѣкъ; только 8 ч. во главѣ съ Врублевскимъ, подошли къ баррикадѣ; трое по ошибкѣ попали въ спускъ; одинъ оказался между англичанами; затѣмъ, еще одинъ, подбѣжавъ къ баррикадѣ, сталъ ее ломать и поплатился за это обжогомъ глазъ, а одного ранили въ ногу. Американцы первые добѣжали до баррикады. Атаковалъ американскій капитанъ Мейерсъ (Myers). Послѣ нѣсколькихъ залповъ, китайцы, потерявъ 35 человѣкъ убитыми, побросавъ оружіе, бѣжали по направленію къ Цянь-мыньскимъ воротамъ. У американцевъ убито 2 солдата и раненъ грязною пикою въ ногу капитанъ Мейерсъ, офицеръ храбрый и хладнокровный.

21-го *іюня*.—Съ 10 часовъ вечера до 6 утра, китайцы бом-

бардировали наше посольство и по обыкновенію пускали ракеты. Отъ сэра Клода и другихъ въ Тяньцзинь отправленъ съ вѣстями четырнадцатилѣтній мальчикъ. Баронъ Раденъ замѣтилъ, что изъ дворца иногда пускались ракеты, какъ сигналъ для прекращенія стрѣльбы на нѣкоторое время.

22-го іюня. — Въ 11 ч. утра, въ паркѣ, прилегающемъ къ англійскому посольству съ с. з., при рубкѣ дерева, смертельно раненъ студентъ этого посольства Олифантъ, неблагопоразумно продолжавшій работу, несмотря на приказъ командующаго офицера оставить ее. Пуля попала несчастному въ спину, задѣла печень и область желудка; онъ умеръ въ тотъ же день. По общему отзыву, это былъ храбрый и въ высшей степени дѣятельный молодой человекъ, и потому его безвременная кончина была принята всѣми съ непритворнымъ, глубокимъ сожалѣніемъ.

23-го іюня. — Было двѣ ночныхъ довольно сильныхъ перестрѣлки. У воротъ посольства усиливаютъ баррикаду и поставленъ американскій пулеметъ Максима. Послѣ завтрака наши молодые люди, Бракманъ, Мирный, Полуяновъ, Орловскій и Хитровъ, отправились въ клубъ за разными припасами. Послѣдній, къ несчастью, не возвратился, былъ убитъ на китайской баррикадѣ у французскаго посольства, на которую онъ попалъ по ошибкѣ. Тѣло его не найдено.

24-го іюня. — Ночью опять были слышны въ китайскомъ городѣ звуки раковинъ и трубъ. Австрійцы и французы говорятъ, что слышали сильную канонаду около Ма-цзя-пу. До англійскаго посольства, въ которомъ была перестрѣлка, долетали отдаленные, глухіе пушечные выстрѣлы. Изъ массы выпущенныхъ въ этотъ день гранатъ одна попала въ столовую сэра Клода, по счастью, никому не причинивъ вреда. Днемъ были ранены австрійскій морякъ и японскій attaché, — послѣдній, къ сожалѣнію, смертельно.

Желаніе дать знать въ Тяньцзинь о нашемъ отчаянномъ положеніи, — которое особенно обрисовалось съ тѣхъ поръ, какъ китайцы стали забрасывать насъ массою разрывныхъ снарядовъ, которыхъ въ англійское посольство въ нѣсколько часовъ было выпущено болѣе 150, — и получить вѣсточку изъ Тяньцзиня о положеніи дѣлъ тамъ, дошло до того, что Д. Д. Покотиловъ, директоръ русско-китайскаго банка, предложилъ 10.000 ланъ (14.000 р.) за доставленіе извѣстія и принесеніе отвѣта. Вызвался-было идти слуга одного бельгійскаго инженера; онъ былъ католикъ. Это послѣднее обстоятельство усложнило дѣло, такъ какъ, въ случаѣ опроса его ихэтуаньцами или китайскими солдатами: христіанинъ ли онъ? — онъ, по правиламъ религіи, не

могъ, безъ разрѣшенія патера, отвѣчать отрицательно, а патеры, съ неумѣстнымъ упрямствомъ, несмотря на наши просьбы, отказали ему въ этомъ разрѣшеніи. Но предложенный кушъ былъ слишкомъ заманчивъ, и китаецъ рѣшился идти безъ разрѣшенія. Вечеромъ все уже было приготовлено къ спуску его со стѣны, какъ въ послѣдній моментъ дѣло разстроилось, благодаря посреднику, который заявилъ, что пріятель его за 10.000 ланъ беретъ только доставить письмо въ Тяньцзинь, но безъ отвѣта. Такое неслыханное нахальство возмутило всѣхъ. По поводу отправленія этого гонца, два иностранныхъ посланника, при встрѣчѣ со мною, сказали: „Однако вы, г. Поповъ, должно быть, очень богаты, когда предлагаете гонцу за путешествіе въ Тяньцзинь и обратно (240 верстъ) такое громадное вознагражденіе?“ — Во-первыхъ, — отвѣчалъ я, — это предложеніе идетъ отъ русско-китайскаго банка, а во-вторыхъ, я полагаю, что нѣсколько тысячъ человѣческихъ жизней стоятъ дороже этихъ денегъ.

25-го іюня. — Была обѣдня въ церкви нашего посольства. Многіе изъ русскихъ резидентовъ и вся команда причащались. Сегодня опять трое раненыхъ и убитъ командиръ австрійскаго десанта. Китайцы продолжаютъ стрѣлять изъ орудій. Наше положеніе скверное.

Сегодня въ китайской чугунно-плавильной лавкѣ отыскана была старая англійская пушка 60-хъ годовъ, изъ которой нашли возможнымъ стрѣлять снарядами нашей пушки Барановскаго, до сихъ поръ бесполезно лежавшими въ колодцѣ, куда они были опущены потому, что самое орудіе, по непростительной оплошности, не было доставлено изъ Тяньцзиня своевременно вмѣстѣ съ десантомъ. А много бы намъ помогла эта пушка, давъ намъ возможность расширить районъ нашей обороны и держать нашихъ враговъ въ болѣе почтительномъ разстояніи. Работа неустанная по укрѣпленію англійскаго посольства, при отличной организаціи и распредѣленіи рабочихъ изъ китайцевъ-христіанъ подъ неустаннымъ и опытнымъ надзоромъ американскихъ миссіонеровъ Тіюксбери, Гемуэла, Гобарта и Стела, кипитъ. Для итальянской пушки отливаются даже снаряды, а равно и пули для скорострѣльныхъ ружей.

30-го іюня. — Въ 7 часовъ вечера подождено французское посольство. На южномъ мосту четыре американца отбили атаку толпы ихэтуаньцевъ, приблизительно человѣкъ въ 200, изъ коихъ болѣе 30-ти поплатились жизнью.

П. С. Поповъ.

ДВА МѢСЯЦА ОСАДЫ ВЪ ПЕКИНѢ

Дневникъ: 18 мая—31 іюля ст. ст. 1900 г.

*Окончаніе *).*

2-го іюля.—Изъ цзунъ-ли-я-мыня получено было сообщеніе, въ которомъ иностраннымъ представителямъ, въ видахъ удобства защиты ихъ, предлагается переселиться въ зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ мѣръ къ отправленію иностранцевъ въ Тяньцзинь. Отвѣчено, что посланники чувствуютъ себя въ стѣнахъ посольствъ настолько же въ безопасности, какъ и въ зданіи министерства.

4-го іюля.—Китайцы прекратили стрѣльбу, вѣроятно благодаря вліянію партіи благоразумныхъ, взявшей верхъ, вслѣдствіе, быть можетъ, дошедшихъ слуховъ о взятіи союзниками Тяньцзиня. Насталъ періодъ недѣльнаго затишья, въ теченіе котораго усталые и измученные ночными и денными неусыпными караулами наши храбрые защитники успѣли отдохнуть и собраться съ силами для продолженія неравной борьбы. Отдохнули также и всѣ осажденные, измученные постоянными тревогами и нападеніями нашихъ враговъ.

Пойманъ одинъ ихэтуанецъ. Пять солдатъ изъ осаждавшаго насъ отряда Жунъ-лу добровольно заявили въ германское посольство и сказали, что они имѣютъ кое-что сообщить отъ своего началь-

*) См. выше: февр., 517 стр.

ства. На допросѣ, произведенномъ имъ въ англійскомъ посольствѣ, куда они были доставлены съ завязанными глазами, они заявили, что главнокомандующій Жунъ-лу желаетъ прекращенія стрѣльбы и возстановленія мирныхъ отношеній. Пользуясь этимъ, посланники написали Жунъ-лу письмо, въ которомъ объяснили, что ничѣмъ неоправдываемыя, ничѣмъ невызванныя и противныя международному праву нападенія на иностранныя посольства и другія учрежденія были начаты китайцами, что иностранцы стрѣляютъ и возводятъ баррикады исключительно въ видахъ самозащиты, конечно не имѣютъ ничего противъ прекращенія непріязненныхъ дѣйствій и находятъ, что удаленіе китайскихъ солдатъ и ихэтуанцевъ изъ окрестностей посольствъ и другихъ иностранныхъ учрежденій было бы лучшею для этого мѣрою. При этомъ выражено было желаніе о присылкѣ разумнаго гражданскаго чиновника съ извѣстнымъ положеніемъ для объясненій. Стрѣльба прекращена.

5-го іюля.—Сегодня возвратился изъ Тяньцзиня китаецъ, посланный туда 17-го іюня японскимъ посланникомъ, и сообщилъ слѣдующее. Онъ вышелъ чрезъ восточныя ворота Ци-хуа, направился на Тунъ-чжоу, а оттуда на лодкѣ въ Тяньцзинь, куда прибылъ 22-го іюня, но не могъ войти въ городъ, такъ какъ онъ былъ окруженъ китайскими войсками. Онъ обошелъ кругомъ городскихъ воротъ и напалъ на китайскій отрядъ подъ командою генерала Чжана, расположенный на С. отъ желѣзно-дорожной станціи и бомбардирующій японскій отрядъ, который занималъ позицію на югъ отъ станціи. 26-го іюня генераль Чжанъ былъ разбитъ, и посланному удалось пробраться чрезъ японскія линіи и передать японскому консулу письмо его посланника. Во время пребыванія въ Тяньцзинѣ ему удалось собрать слѣдующія свѣдѣнія: генераль Нэ былъ убитъ, тяньцзинскіе и окрестные миссіонеры всѣ отправились домой и Дагускіе форты безъ затрудненій были взяты иностранными войсками 4-го іюня. 1-го іюля союзныя войска, послѣ двухдневной атаки, овладѣли Тяньцзинемъ. 2-го іюля онъ вышелъ изъ Тяньцзиня въ сопровожденіи японскаго конвоя до второго моста. При этомъ онъ прибавляетъ, что до его прибытія въ Тяньцзинь здѣсь не имѣли никакихъ извѣстій изъ Пекина послѣ 20-хъ чиселъ мая. Изъ отвѣта, принесеннаго этимъ гонцомъ японскому посланнику, мы съ радостью узнали, что смѣшанный отрядъ изъ 24.000 японцевъ, 4.000 русскихъ, 2.000 англичанъ, 1.500 американцевъ, 1.500 французовъ и 300 нѣмцевъ около 7—8 іюля выступилъ на выручку пекинцевъ.

Въ этотъ же день секретарь цзунъ-ли-я-мыня прибылъ въ

англійское посольство и былъ принятъ всѣми иностранными представителями у воротъ посольства на баррикадѣ. Разговоръ касался снабженія осажденныхъ льдомъ, яйцами, фруктами и овощами, а также пересылки телеграммъ иностранными представителями своимъ правительствамъ. Съ своей стороны секретарь выразилъ сожалѣніе своего правительства по поводу дѣйствій ихэтуанцевъ, которые одни вызвали затрудненія между Китаемъ и иностранными державами. Что за безстыдная и наглая ложь!

6-го іюля.—Хотя перемиріе продолжается, но министры въ весьма вѣжливыхъ выраженіяхъ отказались переслать въ Петербургъ телеграмму нашего посланника, подъ предлогомъ разгара военныхъ дѣйствій въ Тяньцзинѣ. Нашему посланнику, а равно и другимъ, въ странахъ которыхъ есть китайскіе представители, цзунъ-ли-я-мынемъ прислано сообщеніе, при которомъ препровождена копія телеграфнаго посланія богдохана Его Величеству; въ немъ, во имя традиціонной двухсотлѣтней дружбы, онъ проситъ содѣйствія Государя къ разрѣшенію настоящихъ затрудненій. Въ тотъ же день получено письмо князя Цина, адресованное англійскому посланнику, въ которомъ онъ, выражая опасеніе, что правительству трудно будетъ справиться съ ихэтуанцами, угрожающими во что бы то ни стало сжечь всѣ посольства и будто бы ожидающими значительныхъ подрѣпленій отъ своихъ собратьевъ изъ Маньчжуріи и Сань-си, совѣтуетъ посланникамъ и всѣмъ другимъ иностранцамъ, подъ надежною охраною китайскихъ отрядовъ Сунъ-цина и Сунъ-Ванъ-линя удалиться на время въ Тяньцзинь и заявляетъ, что правительство слагаетъ съ себя отвѣтственность за могущія произойти несчастія. Затаенная мысль этого предложенія вполне очевидна. Послѣ взятія союзными войсками Дагускихъ укрѣпленій и Тяньцзиня и погрома главныхъ китайскихъ силъ, путь къ Пекину сдѣлался совершенно открытымъ; а такъ какъ главнымъ поводомъ движенія союзниковъ на Пекинъ является спасеніе посланниковъ и другихъ иностранцевъ, осажденныхъ китайскими войсками и ихэтуанцами, то съ удаленіемъ иностранцевъ изъ Пекина въ Тяньцзинь и движеніе союзниковъ на Пекинъ теряетъ свой смыслъ и дѣлается совершенно излишнимъ.

7-го іюля.—Миръ продолжается. Китайцы начинаютъ ухаживать за посланниками. Имъ прислано изъ Цзунъ-ли-я-мыня отъ имени богдоханши 2 воза арбузовъ и возъ тыквъ, огурцовъ и бадиджановъ, стоимость которыхъ, по моему мнѣнію, должна быть потомъ вычтена изъ суммы вознагражденія за убытки.

На предложеніе князя Цина о выѣздѣ въ Тяньцзинь сэръ

Клодь отъ имени дипломатическаго корпуса отвѣчалъ, что пребываніе посланниковъ въ Пекинѣ облегчитъ улаженіе дѣлъ къ общему удовольствію, тогда какъ съ выѣздомъ ихъ дружественныя отношенія должны будутъ прерваться и для возстановленія ихъ потребуется не мало времени. Что же касается охраны, то это какъ въ Пекинѣ, такъ и въ пути—одно и то же. Какимъ же образомъ китайское правительство въ состояніи охранять насъ въ пути, а не можетъ защищать въ столицѣ? Ясное дѣло, что все зависитъ отъ желанія.

8-го іюля.—Въ пекинской правительственной газетѣ, которую намъ опять удалось заполучить, за послѣдніе 20 дней помѣщено нѣсколько указовъ, касающихся современныхъ событій. Такъ, въ номерѣ ея отъ 5-го іюля помѣщенъ указъ о взятіи союзными войсками Дагускихъ укрѣпленій, въ которомъ говорится, что, „несмотря на взятіе этихъ фортвъ, китайское правительство, не желая легкомысленно порвать сношенія съ иностранными державами, неоднократно издавало указы объ охранѣ посольствъ и теперь вмѣняетъ въ обязанность высшимъ и низшимъ провинціальнымъ властямъ, на основаніи договоровъ, оказывать защиту и покровительство всѣмъ безъ исключенія иностранцамъ, живущимъ въ Китаѣ“. Вмѣстѣ съ этимъ въ указѣ выражается изумленіе по поводу убіенія у воротъ Юнь-динъ японскаго чиновника и глубокое сожалѣніе по случаю убійства германскаго посланника предписывается принять всѣ мѣры къ отысканію и наказанію злодѣевъ и представить общій докладъ касательно иностранцевъ, погибшихъ во время смутъ, и пострадавшаго имущества.

Указъ этотъ показываетъ, что взятіе союзниками Дагускихъ укрѣпленій и Тяньцзиня подѣйствовало удручающимъ и въ то же время отрезвляющимъ образомъ на китайское правительство, которое, несмотря на свое крайнее ослѣпленіе, уразумѣло наконецъ, что полчища ихэтуанцевъ, предводимыя княземъ Чжуаномъ, вице-канцлеромъ Ганъ и генераломъ Инъ-нянемъ и Ланьгуномъ, братомъ Дуань-вана, открыто поставленными имъ во главѣ ихъ, даже въ соединеніи съ правительственными войсками, не въ состояніи спасти его отъ грозной опасности.

Отдѣльными указами, помѣщенными въ той же газетѣ, предписывается образовать бюро шпионовъ и, въ виду перерыва телеграфа, возстановить прежнюю курьерскую службу, а также возвѣщается о назначеніи Ли-Хунъ-чжана чжилійскимъ генералъ-губернаторомъ и о смерти генерала Нэ, павшаго въ сраженіи подъ Тяньцзинемъ. Въ ней также помѣщенъ подробный докладъ

чжилійскаго генераль-губернатора Юй-лу о сраженіи въ Сису (недалеко отъ Тяньцзиня) и взятіи, 28-го іюня, арсеналовъ союзными войсками.

Сегодня главный инспекторъ таможенъ сэръ Робертъ Гартъ получилъ изъ цзунъ-ли-я-мыня два письма, изъ коихъ одно съ выраженіемъ удовольствія, что онъ живъ и здоровъ, и изумленія, что домъ и имущество его сожжены!

9-го іюля.—Министры прислали сэру Клоду письмо съ увѣдомленіемъ, что они послали-было ледъ для посланниковъ, но ихэтуаньцы его не пропустили! Трудно повѣрить, чтобы это писали люди государственные.

11-го іюля.—Аттакa и стрѣльба въ часъ ночи, продолжавшаяся всего минутъ пять.

Командиръ японскаго десанта, полковникъ Шибa, передаетъ, что сегодня на японскую баррикаду заявился дунъ-фу-сянскій солдатъ и сообщилъ, что 4-го іюля иностранный отрядъ, будто бы, занялъ Янъ-цунъ, торговое мѣстечко въ 30-ти верстахъ отъ Тяньцзиня по дорогѣ въ Пекинъ; 6-го, за Янъ-цунемъ было сраженіе, въ которомъ китайцы были разбиты; что иностранный отрядъ, будто бы, находился въ 40 ли (20 верстъ) на С. отъ Янъ-цуня въ то время, когда 150 раненыхъ дунъ-фу-сянцевъ были отправлены въ Пекинъ.

Изъ того же источника сообщаютъ, что у Хэ-си-у, на пути отъ Пекина, было большое сраженіе, и китайцы были отброшены. Надобно замѣтить, что за каждое извѣстіе полковникъ Шибa платилъ дунъ-фу-сянцу, кажется, 10 долларовъ; вслѣдствіе этого нѣкоторые полагаютъ, что ловкій солдатъ самъ фабрикуетъ извѣстія съ цѣлью полученія награды. Какъ бы тамъ ни было, но эти извѣстія имѣютъ свою хорошую сторону, поддерживая бодрость духа въ осажденныхъ, въ чемъ они, послѣ мѣсячной осады, очень нуждаются. Ночью удалось отправить курьера въ Тяньцзинь за 200 долларовъ.

12-го іюля.—Изъ цзунъ-ли-я-мыня получено три письма, изъ коихъ въ двухъ посланникамъ предлагаютъ телеграфировать au clair своимъ правительствамъ, что ихъ семейства находятся въ полномъ здравіи и благополучіи, а въ третьемъ снова просятъ о временномъ удаленіи изъ Пекина въ Тяньцзинь, положительно ручаясь за вполнѣ благополучное доставленіе туда водою чрезъ Тунъ-чжоу и просятъ заблаговременно извѣстить министровъ для того, чтобы озаботиться приготовленіемъ необходимаго количества лодокъ и продовольствія; при этомъ они находятъ, что переговоры лучше вести въ Тяньцзинѣ, что охрана посланниковъ и

другихъ иностранцевъ въ Пекинѣ труднѣе благодаря своей продолжительности, чѣмъ охрана въ теченіе трехъ дней, потребныхъ для прибытія въ Тяньцзинь. Спорадическая стрѣльба продолжается ночью.

13-го іюля.—Дунъ-фу-сянецъ, уже извѣстный намъ, сообщилъ полковнику Шибя, что 11-го іюля, въ 10 ч. утра, китайскія войска, подъ командой генерала Чжана, были атакованы иностранными войсками въ 30 ли на Ю. отъ Хэ-си-у и отброшены къ этому селенію; что 12-го іюля они снова были атакованы союзными войсками уже въ Хэ-си-у и съ большимъ урономъ отброшены за 10 ли на С. отъ этого мѣстечка.

14-го іюля.—Отдѣльная стрѣльба китайцевъ продолжалась всю ночь. Но эти непріязненные дѣйствія съ одной стороны несколько не мѣшали проявленію вѣжливой заботливости—съ другой. Цзунъ-ли-я-мынь, опять-таки отъ имени богдоханши, прислалъ посланникамъ 4 воза арбузовъ, 4 воза тыквъ, бадиджановъ и огурцовъ, 24 куска льду и около 40 пудовъ муки. Лишенные во все время осады всякой зелени, столь необходимой въ Китаѣ въ лѣтніе жары, мы съ удовольствіемъ и безъ боязни приняли эти дары данайцевъ. Получено письмо князя Цина и его товарищей съ милымъ предложеніемъ—въ виду тѣсноты помѣщенія въ посылкахъ, жаркаго времени и возстановленія спокойствія въ столицѣ (!?), выпустить изъ нихъ китайцевъ-христіанъ, которыхъ еще не мало находится въ нихъ, съ тѣмъ, чтобы они спокойно обратились къ своимъ мирнымъ занятіямъ. Хорошее предложеніе лицамъ, лишеннымъ крова, быть можетъ, кровныхъ родныхъ и всего! Это письмо, кажется, не было даже удостоено отвѣта.

15-го іюля.—Отдѣльная и значительная стрѣльба китайцевъ продолжается. Въ теченіе почти полуторамѣсячной осады нѣкоторые изъ нашихъ враговъ достигли въ стрѣльбѣ замѣчательной степени искусства и поразительной мѣткости. Такъ, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ субъектъ въ глубокую, хотя и лунную ночь, девять разъ кряду угодилъ въ одно и то же мѣсто одного дерева, стоявшаго предъ верандой нашей квартиры.

Не особенно утѣшительныя вѣсти получены изъ Тяньцзиня съ курьеромъ-мальчикомъ 14 лѣтъ, возвратившимся отсюда сегодня въ 4 часа утра. Онъ принесъ письмо англійскаго консула въ Тяньцзинѣ, г. Карлса, отъ 9-го іюля, служащее отвѣтомъ на письмо его посланника отъ 4-го іюля, слѣдующаго содержанія: „24.000 войска высадилось, 19.000 здѣсь. Генераль Газли ожидается завтра. Русскій отрядъ—въ Бэй-цанѣ ¹⁾. Много войска въ

¹⁾ Сильно укрѣпленный лагерь китайцевъ верстахъ въ 10 отъ Тяньцзиня.

пути, если только у васъ хватитъ продовольствія“. Письмо это крайне изумило всѣхъ насъ своею неопредѣленностью и, вмѣсто надежды и утѣшенія, повергло въ уныніе. Для насъ жизненно важно было знать, хотя приблизительно, когда союзный отрядъ выступаетъ въ Пекинъ—выручать насъ. Много горькихъ упрековъ и насмѣшекъ было отпущено по адресу бѣднаго Карлса, человѣка, въ сущности, весьма неглупаго и опытнаго. Непосредственнымъ результатомъ его письма было приведеніе въ точную извѣстность всѣхъ нашихъ продовольственныхъ запасовъ и уменьшеніе раціоновъ конины и рису на половину. Особенно это было тяжело для нашихъ защитниковъ-матросовъ, несшихъ адскую службу и вынужденныхъ довольствоваться нѣсколько болѣе, чѣмъ полуфунтомъ конины въ день. А дѣлать было нечего. При неизвѣстности времени прибытія союзныхъ войскъ, мы никоимъ образомъ не могли выдавать продовольствіе полностью, котораго тогда едва-ли бы хватило на двѣ недѣли.

Опять письмо князя Цина и его товарищей, въ которомъ эти сановники продолжаютъ рекомендовать иностранцамъ временное удаленіе въ Тяньцзинь, мотивируя это тѣмъ, что скученная жизнь въ стѣнахъ посольствъ въ знойное время можетъ вызвать хандру и уныніе! Для переѣзда до Тунъ-чжоу будутъ приготовлены носилки и телѣжки, а изъ Тунъ-чжоу—лодки съ необходимымъ количествомъ припасовъ. Конвой будетъ состоять изъ войскъ Сунъ-цина и Вань-Сунъ-линя. Какая заботливость даже о душевномъ нашемъ состояніи! Письмо это, какъ и слѣдовало ожидать, было оставлено безъ отвѣта. Бѣдный Бэй-танъ (католическій соборъ), говорятъ, подвергается атакѣ со стороны Ли Бинъ-хэна ¹⁾, который прилагаетъ всѣ усилія къ уничтоженію его и славныхъ защитниковъ его.

16-го іюля.—Китаецъ, посланный японцами въ Ма-тоу (40 верстъ отъ Пекина), сообщаетъ, что иностранная войска трехъ національностей—въ Анъ-пинѣ; у китайцевъ недостатокъ въ аммуниціи; лодки съ казеннымъ рисомъ, идущія съ юга,—въ рукахъ иностранной арміи. Солдатъ изъ конвоя Дунъ-фу-сяна сообщаетъ, что иностранная войска двинулись—было изъ Анъ-пина на Ма-тоу—что вовсе недалеко отъ Пекина,—но снова были отброшены китайцами къ Анъ-пину. Рабочій китаецъ, посланный кѣмъ-то въ Чанъ-пинъ-чжоу, сообщилъ невѣроятную новость, что, будто

¹⁾ Одинъ изъ главныхъ виновниковъ настоящаго движенія, бывшій шань-дунскимъ губернаторомъ во время убійства двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ, повлекшаго за собою захватъ Цзяо-чжоу, крайній ретроградъ и заядлый ненавистникъ иностранцевъ.

бы, русская колонна движется чрезъ Монголію къ Калгану, о чемъ онъ, будто бы, слышалъ отъ китайцевъ, бѣжавшихъ изъ Калгана въ виду слуховъ о приближеніи русскаго отряда. А другой рабочій китаецъ, доставившій пекинскую газету, рассказываетъ, что дня два—три тому назадъ Янь-цунь совершенно уничтоженъ иностранными войсками, которыя неукоснительно двигаются впередъ, что императрица желаетъ, чтобы Дунъ-фу-сянь и Жунъ-лу съ своими войсками проводили ее въ Си-ань-фу, древнюю столицу Китая, но они противятся этому и рекомендуютъ, чтобы Ли-Бинъ-хэнь помогъ имъ сокрушить насъ.

17-го іюля.—Сегодня г. Гартъ получилъ отъ китайскихъ министровъ письмо, въ которомъ они, сообщая ему, что иностранныя правительства, не имѣя извѣстій отъ своихъ представителей и опасаясь за ихъ судьбу, прибѣгаютъ къ угрозамъ по отношенію къ китайскимъ представителямъ, просятъ его написать au clair телеграмму о томъ, что иностранцы всѣ живы и здоровы, которую они и помѣстятъ въ газетахъ для общаго успокоенія. На это сэръ Робертъ предполагаетъ отвѣтить, что еслибы онъ написалъ au clair всю правду о неслыханномъ и ужасномъ положеніи иностранцевъ въ Пекинѣ, то ему никто бы не повѣрилъ, и совѣтовать имъ, въ видахъ облегченія выхода изъ того невозможнаго положенія, въ которое они себя поставили, поторопиться разрѣшеніемъ посланникамъ сносятся съ своими правительствами шифрованными телеграммами.

Передаютъ, что, въ виду скорого приближенія иностранныхъ войскъ, всѣ пекинскія ворота, за исключеніемъ однихъ на западъ и однихъ на востокъ, приготовлены къ закрытію—камни и мѣшки съ землею навалены возлѣ нихъ. Говорятъ также, что атака на католическій соборъ Бэй-танъ отбита съ громаднымъ урономъ для ихэтуанцевъ.

Въ теченіе ночи китайцы построили баррикаду на сѣверномъ мосту, доминирующую надъ мостомъ на Посольской улицѣ и дѣлающую проходъ чрезъ нее крайне опаснымъ; мало того, сообщеніе изъ главныхъ воротъ англійскаго посольства съ японцами и французами чрезъ каналъ сдѣлалось невозможнымъ, и пришлось сообщаться чрезъ туннель.

18-го іюля.—Получено письмо отъ князя Цина и другихъ сановниковъ, въ которомъ сообщается, что иностранные представители напрасно беспокоятся за судьбу обращенныхъ христіанъ, въ случаѣ выпуска ихъ изъ стѣнъ посольства, такъ какъ былъ бы изданъ указъ, въ силу котораго правительство оказывало бы имъ покровительство и защиту наравнѣ съ своими под-

данными язычниками. Что же касается жалобы на возведеніе на сѣверномъ мосту баррикады, то это сдѣлано для удобства и безопасности проѣзда, а стрѣльба была начата не китайцами, а иностранцами; что это—взаимное недоразумѣніе, которое не поведетъ къ дальнѣйшимъ атакамъ.

По поводу атаки, произведенной на католическій соборъ Ли-Бинъ-хэномъ, на что было обращено вниманіе князя, отъ него также было получено письмо съ слѣдующимъ объясненіемъ: „Бѣйтанское дѣло обязано своимъ происхожденіемъ тому, что обращенные христіане выходили по всѣмъ направленіямъ для грабежа сѣстныхъ припасовъ; нѣкоторые изъ нихъ, вооруженные ружьями, будучи останавливаемы, стрѣляли изъ нихъ. Это вызвало гнѣвъ и негодованіе среди народа, который, соединившись съ ихэтуаньцами, производилъ на соборъ постоянныя атаки. Въ настоящее время изданъ указъ касательно того, что если обращенные не будутъ выходить на грабежи, то они, какъ дѣти одного и того же отечества, будутъ пользоваться покровительствомъ, и атаки на нихъ будутъ прекращены. Что же касается защиты иностранцевъ на пути въ Тяньцзинь, то это дѣло вовсе не легкое, и только послѣ многихъ хлопотъ и когда найдено было возможнымъ дать гарантію противъ несчастія, предложеніе объ этомъ было изложено письменно. Мы не рѣшились бы умышленно обманывать васъ. Мы просили бы васъ (сэра Клода) и другихъ иностранныхъ представителей не беспокоиться слишкомъ и принять рѣшеніе относительно временнаго удаленія изъ Пекина“.

Распространившійся наканунѣ слухъ о предполагаемой ночной атакѣ на иностранцевъ 10.000 дунъ-фу-сянцевъ съ 8 орудіями, къ нашему счастью, не оправдался. Была только обычная стрѣльба, къ которой мы давно уже привыкли.

19-го іюля.—Полковникомъ Шиба получено изъ Тяньцзиня письмо слѣдующаго содержанія: „Письмо ваше отъ 9-го іюля получено. Отправленіе союзныхъ войскъ изъ Тяньцзиня замедлено затрудненіями по организаціи транспорта; но они выступятъ дня чрезъ 2—3. Напишу снова, какъ только время прибытія въ Пекинъ будетъ опредѣлено“. Корреспондентъ газеты „Times“, d-г Morrison, получилъ съ тѣмъ же посыльнымъ письмо, по содержанію почти тождественное съ вышеприведеннымъ. Кажется, намъ не долго еще придется страдать и спасеніе наше не далеко. Блеснулъ лучъ свѣтлой надежды, и мы всѣ снова ожили, несмотря на то, что самые здоровые и неутомимые между нами въ послѣднее время стали смотрѣть усталыми и разбитыми тѣлесно и душевно.

Сегодня же получена, хотя и искалѣченная, но тѣмъ не менѣе подлинная телеграмма изъ Лондона. День ея отправленія не помѣченъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, она была послана между 8—11 іюля. Она ссылается на письмо японскаго посланника, барона Ниси, и на телеграмму американскаго посланника Конд жера; изъ чего можно заключить, что истинное положеніе здѣшнихъ дѣлъ извѣстно всему міру. Телеграмма также сообщаетъ, что китайскія войска, послѣ кровопролитнаго сраженія въ Тянь-цзинѣ, обращены въ бѣгство, что дѣлаются поспѣшныя приготовленія къ нашему освобожденію; далѣе въ ней ставится вопросъ: „охраняетъ ли насъ китайское правительство и снабжаетъ ли съѣстными припасами?“ Охраняетъ ли и снабжаетъ ли? Развѣ не позоръ для всѣхъ цивилизованныхъ націй, когда ставится такой вопросъ? Вѣдь такой вопросъ обозначаетъ, что представители всѣхъ націй въ Пекинѣ лишены возможности сами снабжать себя и что, слѣдовательно, они—плѣнники? Казалось бы, что самыя энергичныя и дѣйствительныя мѣры должны бы быть тотчасъ же приняты къ освобожденію ихъ, вмѣсто безплоднаго оплакиванія ихъ горькой участи. Впрочемъ, чего же другого можно было ожидать отъ большей части современныхъ правительствъ, вся политика которыхъ основана на погонѣ за долларомъ и на полномъ презрѣніи ко всѣмъ высокимъ, человѣческимъ принципамъ, долженствующимъ составлять основу бытія, какъ частныхъ лицъ, такъ и государствъ во взаимныхъ ихъ сношеніяхъ между собою. Будь побольше справедливости и гуманности въ отношеніяхъ гордыхъ своею цивилизаціей западныхъ народовъ къ многомилліонному народу дальняго востока, мы никогда не были бы актерами въ той ужасной драмѣ, которую намъ по неволѣ приходится разыгрывать. Что посѣешь, то и пожнешь.

20-го іюля.—М-сь Лагу получено письмо отъ мужа изъ Тяньцзиня, отъ 17-го іюля, которое было сообщено ею въ извлеченіи для всеобщаго свѣдѣнія. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ: „Посыльный прибылъ изъ Пекина въ предъидущую пятницу. 9-й и 14-й полки Соединенныхъ-Штатовъ уже въ Тянь-цзинѣ, 6-й кавалерійскій полкъ—въ Дагу. Нѣсколько полковъ уже вышло въ Пекинъ. 17-го ч. до полудня было сраженіе у Бэй-цана. Сегодня получено извѣстіе, что ихэтуаньцы избили христіанъ въ Шань-хай-гуанѣ и другихъ мѣстахъ. Между русскими и китайскими войсками было сраженіе въ Цзинь-чжоу. Тянь-цзинь полонъ иностранныхъ войскъ, которыя все время продолжаютъ прибывать. Желѣзная дорога открыта до Тань-гу. Бэй-

дай-хэ, лѣтняя и, въ послѣднее время, модная резиденція иностранцевъ, уничтожена ихэтуаньцами. Американскій консулъ въ Тяньцзинѣ сообщаетъ своему посланнику, что иностранный поселокъ въ Тяньцзинѣ подвергся тридцатидневному бомбардированію и девятидневной осадѣ. Союзныя войска выступаютъ къ вамъ, вѣроятно, завтра“.—Американскому посланнику, кромѣ того, полковникъ 41-го пѣхотнаго полка сообщаетъ, что десяти тысячный отрядъ готовъ къ выступленію въ Пекинъ.

Сегодня, положительно, день утѣшительныхъ извѣстій. Изъ другого источника изъ Тяньцзиня сообщаютъ, что иностранный селлементъ былъ освобожденъ 15-го іюля, Сеймуръ—11-го, восточный арсеналь взятъ 13-го, западный—27-го, а Тяньцзинь взятъ 1-го іюля. „Выступаемъ двумя колоннами въ 10.000 чел. Англичане, американцы и японцы выступаютъ чрезъ нѣсколько дней въ числѣ 40.000. Первая колонна будетъ отвлекать отъ васъ непріятели. Будетъ 8 полковъ американской пѣхоты, 3 кавалеріи и 2 батареи. Неприсятель сильно окопался въ 17 миляхъ на С. отъ Тяньцзиня и въ двухъ пунктахъ далѣе“.

Обнародованъ печальный указъ безъ числа, по предположенію отъ 15—16-го іюля, слѣдующаго содержанія: „Противъ товарища министра чиновъ, Сюй-Цзинъ-чэна, и члена жертвеннаго приказа, Юань-чана, состоявшихъ членами министерства иностр. дѣлъ, неоднократно поступали обвинительные доклады, что они пользуются плохую репутаціей, въ иностранной политикѣ руководятся личными интересами, при аудіенціяхъ безъ стѣсненія дѣлаютъ взбалмошныя представленія, зловредными словами смущаютъ правительство и даже стараются посѣять въ немъ сѣмена раздора. Таковыя преступленія составляютъ великое непочтеніе, и мы на страхъ другимъ повелѣваемъ предать ихъ смертной казни. Быть по сему“. Такъ трагически окончилъ свою карьеру симпатичный Сюй, бывший долгое время китайскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и предсѣдателемъ восточной китайской желѣзной дороги. Юань-чанъ былъ около 13 лѣтъ секретаремъ иностранной коллегіи, затѣмъ окружнымъ инспекторомъ, управляющимъ финансовою и гражданскою частями въ одной изъ провинцій и, наконецъ, членомъ иностранной коллегіи; это извѣстный археологъ, въ особенности хорошо знакомый съ исторіею и древностями застѣннаго Китая. Оба эти сановника погибли за то, что, на совѣщаніи чиновъ имперіи, подъ личнымъ предсѣдательствомъ богдоханши и богдохана, открыто назвали нападеніе и бомбардированіе иностранныхъ посольствъ актомъ

безумія, гибельнымъ для династіи и Китая, и требовали немедленнаго прекращенія его.

Сэръ Робертъ Гартъ получилъ изъ Тяньцзиня письмо отъ 15-го іюля, слѣдующаго содержанія: „Письмо ваше отъ 8-го протелеграфировано домой. Мужайтесь! Помощь скоро придетъ. Войска непрерывно прибываютъ. Непрiятель — въ Бэй-цанѣ. Японцы и русскіе наступаютъ на него. По Янъ-цзю-цзяпу — волненіе. Генераль-губернаторы стараются о поддержаніи порядка. Ли-Хунъ-чжанъ — въ Шанхаѣ. Маньчжурія — въ возстаніи. У русскихъ тамъ полны руки дѣла. Нючжуанъ много пострадалъ. Германія и Америка высылаютъ, каждая, по 15.000 чел. Италія — 5.000“. — Вотъ вамъ и дешевое, безкровное приобрѣтеніе Маньчжуріи, о которомъ такъ мечтали и говорили вслухъ многіе. Только тѣ приобрѣтенія дешевы и прочны, которыя основаны на уваженіи къ праву и справедливости.

Получено письмо князя Цина и его товарищей, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что, по вопросу о временномъ удаленіи посольствъ и иностранцевъ послѣдовалъ указъ, которымъ канцлеру Жуну поручено избрать способныхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ съ отрядами для охраны. „Канцлеръ Жунъ, на котораго возложено это важное порученіе, осмѣлился безпрекословно принять его только послѣ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія всѣхъ подробностей его и установленія зрѣлаго плана. Поэтому мы считаемъ долгомъ просить иностранныхъ представителей быть совершенно спокойными относительно безопасности въ пути и продолжаемъ надѣяться, что вы поторопитесь сообщить намъ о днѣ вашего отъѣзда для того, чтобы мы имѣли возможность устроить все.

„Что же касается ночной бомбардировки, то это опять-таки — взаимное недоразумѣніе; но хорошо, что каждая сторона осталась въ своихъ позиціяхъ. Эта стрѣльба — тоже, что вечерній бой барабана и утренній звонъ колокола, — явленія обычныя, не заслуживающія серьезнаго вниманія“.

Въ этотъ же день отъ князя было получено письмо сэромъ Клодомъ съ препровожденіемъ ему шифрованной телеграммы маркиза Солсбери и присовокупленіемъ, что всѣ посланники могутъ посылать чрезъ посредство цзунъ-ли-я-мыня мирныя телеграммы своимъ правительствамъ. Какъ видно, совѣтъ, данный китайскимъ министрамъ сэромъ Робертомъ Гартомъ, отрезвилъ ихъ и произвелъ желаемое дѣйствіе.

22-го іюля. — Помѣщаемъ подлинный указъ касательно временнаго удаленія посольствъ въ Тяньцзинь. „Вслѣдствіе безо-

рядковъ, произведенныхъ въ окрестностяхъ столицы язычниками и обращенными, между Китаемъ и иностранными государствами вспыхнула война. Несмотря на это, мы считаемъ нашимъ долгомъ охранять иностранныхъ представителей въ Пекинѣ. Князья и сановники иностранной коллегіи неоднократно письменно освѣдомлялись объ ихъ здоровьѣ. Въ то же время, въ виду сильнаго броженія умовъ въ столицѣ, они вступили въ переговоры съ иностранными представителями касательно благополучнаго препровожденія ихъ подъ военную охрану въ Тяньцзинь, съ цѣлью избавить ихъ отъ страха и тревоги. Въ этихъ видахъ мы поручили канцлеру Жуну избрать способныхъ военныхъ и гражданскихъ лицъ высокаго ранга, которыя бы съ надежными войсками сопровождали ихъ до Тяньцзиня. Еслибы въ пути встрѣтились злоумышленники, имѣющіе въ виду наживу, то таковыя должны быть казнены. Да не будетъ допущено ни малѣйшей оплошности. Еслибы, до оставленія столицы, посланники пожелали отправить своимъ правительствамъ телеграммы, то коллегіей иностранныхъ дѣлъ должны быть приняты мѣры къ передачѣ ихъ въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ написаны *au clair*. Быть по сему“.

Наканунѣ полученія нами подлиннаго вышеприведеннаго указа, министры, жалуюсь на неполученіе отъ посланниковъ отвѣта о временномъ удаленіи ихъ изъ Пекина, заявляютъ въ письмѣ, что ими неоднократно были получаемы отъ своихъ представителей за границей телеграммы о томъ, что министры иностранныхъ дѣлъ всѣхъ государствъ настаиваютъ на скорѣйшемъ сопровожденіи ихъ представителей изъ Пекина въ Тяньцзинь. А такъ какъ теперь всѣ посольства уже пользуются правомъ телеграфныхъ сношеній съ своими правительствами, то коллегія иностранныхъ дѣлъ считаетъ долгомъ просить представителей, чтобы они, обмѣнявшись взглядами съ своими правительствами, назначили срокъ выѣзда и увѣдомили бы ихъ о томъ, чтобы поторопиться съ необходимыми приготовленіями къ пути.

23-го іюля.—За исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ телеграммъ, полученныхъ нѣкоторыми посланниками чрезъ цзунъ-ли-я-мынь, и извѣщенія о трагической кончинѣ итальянскаго короля Гумберта, никакихъ существенныхъ новостей не было.

Около двухъ часовъ ночи китайцами была открыта съ сѣвера, изъ хань-линя (академіи наукъ), и съ запада, съ Монгольской площади, весьма сильная пальба, продолжавшаяся около часа. Похороненъ матросъ Иванъ Арбатскій, убитый наканунѣ при постройкѣ банковской баррикады. Миръ праху твоему, нашъ доблестный защитникъ!

Посланъ отвѣтъ на письмо коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ деканъ дипломатическаго корпуса отъ лица своихъ коллегъ просто заявляетъ, что для выѣзда посланниковъ имъ необходимо получить инструкціи отъ своихъ правительствъ, за которыми они и обращаются къ нимъ по телеграфу.

24-го іюля.—Ночь спокойная. Получено письмо князя и другихъ по поводу оживленной пальбы въ прошлую ночь. Вчера вечеромъ, говоритъ князь, именно въ то время, когда идутъ переговоры о временномъ удаленіи посланниковъ изъ Пекина въ Тяньцзинь подъ надежную охрану, иностранными солдатами произведено было сильное нападеніе на китайскій постъ, сопровождавшееся страшнымъ крикомъ и ужасною пальбою, раскаты которой положительно походили на настоящее сраженіе, а не на обыкновенную, случайную пальбу. Что наши войска отвѣчали имъ—это разумѣется само собою. Но еслибы, подъ вліяніемъ взаимнаго озлобленія, произошла схватка, то это несомнѣнно повело бы къ большому несчастью. Извѣстіе объ этомъ совершенно изумило насъ, такъ что мы, теряясь въ догадкахъ объ истинныхъ причинахъ этого столкновенія, считаемъ долгомъ настоящимъ письмомъ освѣдомиться объ этомъ.

25-го іюля.—Погода прекрасная, но, къ сожалѣнію, намъ, невольнымъ плѣнникамъ, можно пользоваться ею только въ стѣнахъ посольствъ, да и то съ осторожностью.

Англійскимъ посланникомъ получено изъ цзунъ-ли-я-мыня извѣстіе о смерти герцога Единбургскаго, съ выраженіемъ соболѣзнованія отъ лица китайскаго правительства, а около полуночи съ сѣвера и запада китайцами была открыта усиленная пальба, продолжавшаяся, впрочемъ, не особенно долго. Потрудитесь совмѣстить эти два факта!

Былъ аукціонъ разнаго имущества, найденнаго въ домѣ одного богатаго китайца. Этотъ домъ былъ занятъ дня три тому назадъ, въ качествѣ, будто бы, важнаго стратегическаго пункта. Этого мнѣнія, кажется, держались только одни англичане. Не будучи стратегомъ, я не могу судить объ этомъ, но знаю только то, что занятіе это вызвало съ китайскихъ постовъ, расположенныхъ вблизи посольствъ англійскаго и русскаго, стрѣльбу, хотя и рѣдкую, но продолжавшуюся нѣсколько дней, да кромѣ того создало для нашихъ волонтеровъ одинъ лишній постъ.

28-го іюля.—Посланецъ, отправленный г. Тіюксбери на встрѣчу союзнымъ войскамъ, возвратился сегодня съ письмами отъ японскаго и англійскаго генераловъ. Онъ разсказалъ, что 25 числа онъ встрѣтилъ лодки, нагруженные равными китай-

цами, разбитыми близъ Сянъ-хэ. Въ среду послѣ полудня онъ прослѣдовалъ съ центральнымъ отрядомъ въ Чуань-чанъ, въ 9-ти верстахъ на югъ отъ Хэ-си-у; въ четвергъ поутру выступилъ съ этимъ отрядомъ, который надѣется прибыть въ Хэ-си-у послѣ полудня. Оставивъ отрядъ, онъ возвратился въ Пекинъ по западной дорогѣ. Авангардъ, по мнѣнію посыльнаго, находится въ настоящее время въ Хэ-си-у. Посыльный сообщилъ, что при отрядѣ мало китайской прислуги, но много вьючныхъ животныхъ, которыхъ ведутъ японцы. Русскихъ видѣлъ мало, но видѣлъ нѣсколько сотъ сипаевъ. Китайцы оказываютъ мало сопротивленія.

Слѣдующее письмо получено было полковникомъ Шива отъ генерала Фукушима: „Лагерь въ Чанъ-цзянѣ, въ одной верстѣ на С. отъ Южнаго Цай-цуня. 26-го іюля 1900 г.—Японскія и американскія войска разбили непріятели 21 ч. близъ Бэй-цана и заняли Янь-цунь 6-го, а утромъ того же дня союзныя войска, состоящія изъ англичанъ, американцевъ и русскихъ, вышли изъ Янь-цуня и, когда подвигались на С., мною получено было ваше письмо въ деревнѣ Южный Цай-цунь. Очень пріятно было узнать изъ него, что иностранная община въ Пекинѣ геройски держится. Вѣрите мнѣ, что горячее и единодушное желаніе генераль-лейтенанта и всѣхъ насъ—прибыть въ Пекинъ какъ можно поскорѣе и освободить васъ отъ опаснаго положенія. Если не встрѣтится какое-либо непредвидѣнное обстоятельство, то союзныя войска будутъ въ Хэ-си-у 9-го, въ Матоу 10-го, Чжанъ-цзя-вани 11-го, Тунъ-чжоу 12-го и вѣроятно 13-го или 14-го августа по н. с. въ Пекинѣ“.

Отъ генерала Гезли получена была изъ Цей-цуня отъ 8-го августа слѣдующая коротенькая записка: „Сильная союзная армія движется, дважды разбила непріятели. Мужайтесь“.

Только тотъ, кому пришлось вынести двухмѣсячную осаду со всѣми ея ужасами, и притомъ при нашихъ невѣроятныхъ условіяхъ, можетъ понять всю полноту благодарности Богу и радости, охватившей всѣхъ, что близокъ конецъ страданій и часъ избавленія недалекъ.

29-го іюля.—Съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ ряды нашихъ защитниковъ. Сегодня не вражеская пуля, а убійственная дизентерія уложила въ преждевременную могилу русскаго матроса.

30-го іюля.—Въ полночь китайцы открыли сильную пальбу по англійской, французской и нѣмецкой миссіямъ. Въ французской убитъ одинъ матросъ и раненъ австріецъ; въ нѣмецкой также раненъ одинъ солдатъ.

Относительно открытія рынка для закупки продовольствія,

о чемъ сэръ Клодъ писалъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, ему отвѣчали, что продавщики боятся отправляться въ посольства, изъ опасенія подвергнуться выстрѣламъ иностранныхъ солдатъ, и предложили отправлять ежедневно въ 9 ч. утра чиновника въ англійское посольство, для принятія и исполненія продовольственныхъ заказовъ иностранцевъ.

Послѣ обѣдни опустили въ безвременную могилу нашего матроса, умершаго отъ дизентеріи, при пѣніи нашего любительскаго хора, которому, къ сожалѣнію, въ теченіе осады не разъ приходилось исполнять эту печальную обязанность.

Китайцы продолжаютъ усердно стрѣлять по русскому и англійскому посольствамъ, несмотря на то, что, испуганный вѣроятно приближеніемъ союзныхъ войскъ, которыя, — по разсказу пришедшаго въ французское посольство китайскаго кули, разбили китайцевъ между Чжань-цзя-вань и Тунъ-чжоу, — цзунъ-ли-я-мынь, письмомъ на имя англійскаго посланника, просилъ о немедленномъ назначеніи часа для переговоровъ о прекращеніи войны. „Въ письмѣ вашего превосходительства, отъ 7-го іюля, — говоритъ цзунъ-ли-я-мынь, — между прочимъ, было объяснено, что присутствіе иностранныхъ представителей въ столицѣ облегчитъ улаженіе всѣхъ дѣлъ къ общему удовольствію, тогда какъ, съ выѣздомъ ихъ въ Тяньцзинь, дружественныя отношенія порвутся совершенно, и возстановленіе мира потребуетъ неизвѣстно сколько времени. Заявленіе это показываетъ, что ваше превосходительство, при соображеніи общаго положенія дѣлъ, не забываете и старой дружбы. Такъ какъ всѣ иностранные представители находятся еще въ столицѣ, то мы (князь и сановники) рѣшили, согласно мысли вашего прежняго письма, посѣтить васъ и другихъ представителей сегодня, для переговоровъ о предварительномъ пріостановленіи военныхъ дѣйствій, и просимъ назначить часъ“.

Чуютъ правду, чуютъ приближеніе бѣды неминуемой, чуютъ, что близокъ часъ возмездія за пролитую кровь, сожженные и поруганные храмы и посольства, что дни ихъ, покрытой сѣдою древностью и вѣковой пылью, столицы сочтены, — оттого такъ заметались и заторопились.

Ожесточенная стрѣльба, начавшаяся съ четырехъ часовъ пополудни, продолжалась всю ночь. Въ 9 часовъ шальная пуля сразила французскаго офицера Labrousse, стоявшаго у дверей своей комнаты. Отъ шума и грохота пуль и снарядовъ не было возможности сомкнуть глаза.

31-го іюля. — Китайцы продолжаютъ пальбу не только изъ

ружей, но и изъ орудій, несмотря на то, что въ 11 часовъ члены иностранной коллегіи должны прибыть въ англійское посольство для мирныхъ переговоровъ съ посланниками. Визитъ этотъ, однако, не состоялся. Члены этого почтеннаго учрежденія написали, что важныя дѣла не дозволяютъ имъ посѣтить посланниковъ, и въ томъ же письмѣ имѣютъ дерзость и нахальство—жаловаться на то, что иностранные солдаты открыли вчера сильный огонь, убили одного ротнаго командира (по увѣренію сэра Роберта Гарта, самого командира отряда, генерала Чжанъ-цзюня) и ранили 26 нижнихъ чиновъ; называть эти дѣйствія недружелюбными и—просить, чтобы наши командиры удерживали солдатъ отъ стрѣльбы! Какъ будто вся гнусная, не имѣющая прецедентовъ въ исторіи, осада иностранныхъ представителей и другихъ иностранцевъ, съ ихъ женами и дѣтьми, не является актомъ проявленія высшей враждебности и разнузданной дикости! Вѣроятно, истинною причиною отказа министровъ отъ визита, предложеннаго ими же самими, послужила боязнь подвергнуться казни за неисполненіе порученія, обреченнаго на неудачу.

Китаецъ-католикъ, которому удалось проникнуть за непріятельскія баррикады въ восточную часть маньчжурскаго города, между прочимъ, передавалъ слѣдующій характерный разговоръ, происходившемъ, будто бы, между представителемъ мирной политики, хотя и не выдающимся человѣкомъ, президентомъ иностранной коллегіи, княземъ Циномъ, и отцомъ наслѣдника престола, главою ихэтуаньцевъ, княземъ Дуанемъ, послѣ всѣхъ пораженій, понесенныхъ китайцами. „Цинъ:—Ну, князь, какъ видишь, наша маньчжурская династія наканунѣ неизбежной гибели. Гдѣ же твои 8.000.000 небеснаго воинства, обѣщаннаго тебѣ ихэтуаньцами? Пусть идутъ и спасаютъ династію.—Князь Дуанъ поникъ головой и ничего не отвѣчалъ“.

Ужасная ночь! Въ виду приближенія союзной арміи, осаждающія англійское посольство китайскія войска, вѣроятно, рѣшились сдѣлать послѣднюю попытку покончить съ иностранцами. Семь разъ въ теченіе ночи они открывали съ своихъ баррикадъ адскую пальбу по посольству, причемъ орудіе, поставленное на юго-восточномъ углу желтаго императорскаго города, вторило имъ. Это былъ непрерывный хаосъ ружейныхъ звуковъ, сливавшихся съ отраженными раскатами ихъ въ ночной тиши. Съ нашей стороны работало орудіе Норденфильда и пулеметъ Максима. Китайцы подступали къ оградѣ настолько близко, что, говорятъ, можно было слышать, какъ командиръ понукалъ ихъ идти въ атаку, но никто изъ его подчиненныхъ, къ нашему

благополучію, не выразилъ охоты къ такому проявленію патріотическаго мужества. Дѣло окончилось, въ общемъ, благополучно. Жаль только, что былъ серьезно раненъ въ руку, съ изломомъ кисти, бравый американскій канониръ, по нераспорядительности англійскаго начальства оставленный у стараго интернаціональнаго орудія безъ всякаго прикрытія. Въ эту же ночь у японцевъ раненъ докторъ, а у нѣмцевъ убитъ одинъ рядовой. Осада несчастнаго Бэй-тава, съ горстью его храбрыхъ защитниковъ, въ эту ночь тоже была возобновлена неизвѣстно въ какой уже разъ. У насъ умеръ отъ дизентеріи еще одинъ матросикъ.

Глубокою радостью и благодарностью Всеблагому Промыслу исполнились сердца осажденныхъ страдалцевъ при первыхъ звукахъ канонады приблизившейся къ Пекину союзной арміи, услышанныхъ ровно въ два часа ночи... Спасены!

Скажемъ нѣсколько словъ, въ заключеніе нашего дневника, о религіозно-политическомъ обществѣ „И-хэ-туань“ (т.-е. патріотическое общество), или „И-хэ-цюань“ (т.-е. кулакъ долга и согласія) и о причинахъ его настоящаго движенія, а также и о томъ, какимъ образомъ могли бы быть улажены послѣдствія этого движенія.

Виновники неслыханныхъ жестокостей и звѣрствъ, инициаторы наглого нарушенія неприкосновенности иностранныхъ посольствъ, вмѣстѣ съ правительственными войсками въ теченіе двухъ мѣсяцевъ державшіе ихъ въ осадномъ положеніи подъ постояннымъ огнемъ и повергшіе свою родину въ пучину неисчислимыхъ бѣдствій, ихэтуаньцы не въ первый разъ являются на страницахъ китайской исторіи.

Такъ, въ указѣ, изданномъ въ правленіе императора Цзяцина, въ 1808 году, въ числѣ другихъ политическихъ тайныхъ обществъ, подвергавшихся строгому преслѣдованію законовъ, встрѣчается и Ихэцюань. Чтобы обрисовать отношеніе тогдашняго правительства къ этому обществу, мы позволимъ себѣ сдѣлать извлеченіе изъ помянутаго указа, даннаго на имя государственнаго совѣта. „Прокуроръ Чжоу Тинъ-сэнь представилъ намъ докладъ, въ которомъ онъ проситъ подвергать строгому наказанію скопища негодяевъ. По словамъ его, въ послѣднее время въ провинціи Цзянь-нань, въ областяхъ ея Инъ-чжоу, Бо-чжоу и Сней-чжоу, въ провинціи Хэ-нань, въ области Гуй-дэ, и въ провинціи Шань-дунъ (откуда началось нынѣшнее движеніе ихэцюаньцевъ) въ областяхъ ея, Цао-чжоу, И-чжоу и Янь-

чжоу, появилась масса бездѣльниковъ, которые, вооружившись мечами и собравъ массы народа, образовали общества Шунь-дао (счастливаго ножа), Ху-вэй-бянь (плети изъ тигроваго хвоста), И-хэ-цюань и Па-гуа (восемь діаграммъ) и бродятъ по селамъ и деревнямъ, угнетая мирныхъ жителей. Для спокойствія населенія, подобныхъ негодяевъ, конечно, слѣдуетъ подвергать самому строгому наказанію; нельзя давать разрастаться этой болячкѣ и оставлять зло“.

Въ докладѣ чжилійскаго генераль-губернатора Наяньчэна, которому поручено было произвести строжайшее дознаніе о разныхъ политическихъ сектантахъ того времени, въ томъ числѣ и объ ихэтуаньцахъ, мы встрѣчаемъ о нихъ много интересныхъ подробностей, а равнымъ образомъ и то, съ какою неумолимою строгостью относилось тогдашнее правительство къ этимъ вреднымъ сектантамъ, которыхъ нынѣшнее правительство называетъ патриотами и людьми мужественными. Вотъ этотъ интересный документъ:

„Мною полученъ былъ указъ вашего величества слѣдующаго содержанія: Ванъ-бинъ-хэнъ иначе называется Ванъ-цэинъ-цзэнъ; его родъ, разсѣянно проживавшій въ Луань-чжоу и Лудунѣ, занимался распространеніемъ махаянскаго толка Цинъ-ча и собиралъ деньги. Изъ Чжилійской провинціи онъ отправился съ тою же цѣлью въ Ху-бэйскую и Цзянь-наньскую и чрезъ третьи руки преподалъ ученіе мятежнику Фанъ Жунъ-шэну, явившемуся дѣйствительнымъ главою возстанія и нынѣ уже пойманному и казненному въ Ху-бэйѣ. Изъ доклада Наяньчэна мы усматриваемъ, что весь родъ изъ фамиліи Ванъ въ Ши-фо-коу давно уже занимается распространеніемъ зловредной ереси, охватившей нѣсколько провинцій, и нынѣ многократно попадался въ этомъ. Въ виду сего мы повелѣваемъ Наяньчэну принять строгія мѣры къ поимкѣ всего этого рода и главныхъ проповѣдниковъ ереси казнить, а остальныхъ отправить въ ссылку, а всѣ еретическія книги ихъ отобрать и препроводить намъ. Необходимо вырвать эту ересь съ корнемъ безъ малѣйшаго послабленія. Быть по сему“.—„Вѣрноподанному вашего величества въ бытность его въ Баодинъ-фу пришлось рѣшать чрезвычайно много дѣлъ, касающихся превратныхъ ученій; благодаря этому, я нѣсколько ознакомился съ зловредными толками, распространяемыми въ Чжилійской провинціи и, во исполненіе указа вашего величества, осмѣливаюсь изложить то, что мнѣ извѣстно по этому предмету“. Перечисляя разные зловредныя ученія, существовавшія въ Шань-дунской провинціи во времена Цянь-луна, докладчикъ,

между прочимъ, упоминаетъ и толкъ И-хэ (долга и гармоніи), составлявшій отрасль ученія Па-гуа (восемь діаграммъ), послѣдователи котораго называли себя учениками нѣкоего Хао, казненнаго въ 1771 году. Только строгій и неусыпный надзоръ ближайшей мѣстной власти за лицами, уже замѣченными въ проповѣдываніи зловредныхъ ученій, и за семействами, принимавшими ихъ, можетъ, по мнѣнію докладчика, содѣйствовать полному ихъ искорененію. При дальнѣйшемъ перечисленіи дѣлъ, касающихся зловредныхъ ученій, имъ разысканныхъ и рѣшенныхъ, Наяньчэнъ, между прочимъ, указываетъ на дѣло нѣкоего Гэ-ли-э изъ уѣзда Гу-чэнъ, распространявшаго ихэцюанизмъ (т.-е. кулакъ долга и согласія), именно ту самую секту, которая, въ безумномъ, фанатическомъ ослѣпленіи, подогрѣтомъ насиліями иностранцевъ, рѣшилась истребить ихъ всѣхъ. Въ то время главари этого толка были преданы мучительной казни—изрѣзанію въ куски. Въ другихъ уѣздахъ Чжилійской провинціи Наяньчэномъ также были открыты послѣдователи ихэтуанизма.

Такимъ образомъ, изъ вышеприведенныхъ двухъ документовъ оказывается, что ихэтуанизмъ, или ихэцюанизмъ, былъ распространенъ въ нѣсколькихъ провинціяхъ Китая не только въ началѣ XIX-го столѣтія, но и въ концѣ XVIII-го, и былъ строго преслѣдуемъ правительствомъ, какъ ученіе зловредное.

Ихэтуанизмъ составляетъ отрасль древнѣйшей политической секты Бай-лянь-цзяо (секты бѣлаго лотуса). Сущность этого ученія заключается въ изученіи искусства фехтованія кулакомъ и палкою, благодаря чему, будто бы, духъ вселяется въ человѣка, который тогда объясняетъ ученіе и преподаетъ искусство владѣть кулакомъ. Послѣдователи этого ученія утверждаютъ, что посредствомъ заклинаній они дѣлаются неуязвимыми. Въ іерархическомъ отношеніи у нихъ есть названія первоучителя, старшаго и младшаго учителя.

Несмотря на крайне суровыя мѣры, послѣдователи ихэтуанизма не были истреблены совершенно, а только присмирѣли и терпѣливо выжидали случая, чтобы снова приняться за свою зловредную и разрушительную работу.

Вражда между китайцами-язычниками и китайцами-христіанами, порожденная не всегда законными дѣйствіями послѣднихъ и ихъ духовныхъ руководителей по отношенію къ первымъ,—что особенно замѣчалось со времени тяньцзиньскихъ трактатовъ 1858 г., предоставившихъ широкія права христіанской пропагандѣ,—а съ другой стороны насильственная политика цивилизованныхъ иностранцевъ по отношенію къ Китаю, силою и угрозами вы-

рывавшая у него всевозможныя исключительныя права и привилегіи и завершившаяся открытыми территоріальными захватами, породили въ правящихъ и ученыхъ кругахъ Китая чувство негодованія и злобы противъ просвѣтителей и послужили благопріятною почвою для ихэтуаньскаго движенія. Всѣ условія сложились въ его пользу. Въ лицѣ губернаторовъ въ провинціи Шань-дунъ, Ли-Бинъ-хэна и затѣмъ Юй-сяна, ихэтуаньское движеніе, начавшееся въ этой провинціи, нашло не только попустителей, но открытыхъ покровителей своей дьявольской работы, а голодный людъ пораженныхъ неурожаемъ сѣверныхъ провинцій, мѣстные негодяи, въ которыхъ никогда нѣтъ недостатка въ Китаѣ, и, наконецъ, масса распущенныхъ, по недостатку у казны средствъ, солдатъ и милиціонеровъ, — въ надеждѣ на добычу, явились какъ нельзя болѣе подходящимъ матеріаломъ для пополненія рядовъ ихэтуанцевъ, къ которымъ болѣе мирное мѣстное населеніе присоединялось уже изъ боязни за свою жизнь и имущество, или же по чувству личной мести.

А что у Китая, говоря откровенно, не было никакихъ основаній дружелюбно относиться къ иностранцамъ — для этого достаточно безпристрастно заглянуть въ исторію ихъ сношеній съ нимъ за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ. Къ стыду цивилизованныхъ народовъ Запада мы должны сознаться, что не видимъ тутъ ничего другого, кромѣ безконечнаго ряда насилій и эксплуатаціи, никогда не прилагавшихся въ такой мѣрѣ ни къ какой изъ странъ міра, за исключеніемъ развѣ одной Индіи. Пальма первенства на поприщѣ насилія и эксплуатаціи, какъ вездѣ и всегда, такъ и здѣсь, въ Китаѣ, принадлежала владычицѣ морей. Война изъ-за опиума, уничтоженія торговли которымъ, какъ предметомъ, подрывавшимъ умственные и физическія силы китайцевъ и разорявшимъ ихъ семейное благосостояніе, такъ горячо добивался императоръ Дао-гуанъ, окончилась нанкинскимъ договоромъ 1843 года, по которому Англія пріобрѣла Гонгконгъ, давно желанное складочное мѣсто для своихъ товаровъ и военный портъ, и въ то же время удержала за собою возможность, несмотря на протесты у себя дома, отравлять Китай по прежнему.

Установлены были торговые тарифы съ основною нормою обложенія 5⁰/₀ со стоимости. Позволимъ себѣ спросить: гдѣ и въ какомъ государствѣ существуютъ такіе неимоверно-низкіе тарифы? Какое изъ государствъ не имѣетъ абсолютнаго права устанавливать тарифы по своему усмотрѣнію? Всѣ, за исключеніемъ Китая, — потому что свобода въ установленіи тарифовъ составляетъ одну изъ прерогативъ самостоятельности государства. А Китаю

несмотря на его ходатайства и мольбы, отказываютъ даже въ правѣ пересмотра тарифовъ.

А миссіонеры, которые, распространяя ученіе Христово, въ то же время не пренебрегали, пользуясь престижемъ своихъ странъ, производить давленіе на мѣстную администрацію, въ смыслѣ поддержки не всегда законныхъ и справедливыхъ требованій своихъ прозелитовъ, или же мірскихъ выгодъ своихъ общинъ, иногда съ явнымъ нарушеніемъ правъ язычниковъ?

А постепенное отнятіе у Китая всѣхъ его вассальныхъ владѣній, которыя, хотя бы номинально, въ теченіе вѣковъ видѣли въ немъ своего сюзерена?

А съ какимъ презрѣніемъ стали относиться къ Китаю иностранцы, послѣ пораженія, нанесеннаго ему Японіей, это трудно себѣ вообразить. Каждое требованіе ихъ, безъ отношенія къ тому, насколько оно справедливо и совмѣстно съ интересами и желаніемъ Китая, скрѣпя сердце, исполнялось имъ.

А ничѣмъ не оправдываемые, кромѣ „я хочу“ или „мнѣ необходимо“, захваты владѣній собственнаго Китая, открытые занятіемъ Цзяо-чжоу нѣмцами?

А всевозможныя концессіи на разныя промышленныя предпріятія въ Китаѣ, изъ коихъ едва-ли многія были актомъ свободной воли китайскаго правительства?

А ограниченіе державныхъ правъ Китая въ распоряженіи тою или другою частью своей территоріи?

Все это я говорю не потому, что желаю защищать Китай, въ столицѣ котораго я со всею семьею испыталъ всѣ ужасы двухмѣсячной осады, что я окитаился, а съ единственною цѣлью показать, что Китай имѣетъ достаточно основаній не любить иностранцевъ, и что все вышеизложенное послужило поводомъ къ тѣмъ прискорбнымъ и небывалымъ въ исторіи событіямъ, свидѣтелями и невольными участниками которыхъ были мы сами.

Какъ бы то ни было, но теперь предъ иностранными правительствами стоитъ вопросъ о восстановленіи ихъ отношеній къ Китаю, нарушенныхъ дикимъ движеніемъ ихэтуаньцевъ и безумными дѣйствіями самого китайскаго правительства, вызвавшими движеніе союзныхъ войскъ, погромъ и занятіе ими Тянь-цзиня и Пекина и, въ частности, занятіе русскими Маньчжуріи и бѣгство двора въ Си-ань-фу. Задача, конечно, не изъ легкихъ, особенно еслибы въ разрѣшеніи ея вздумали прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ, о которыхъ съ такимъ легкимъ сердцемъ стали говорить со времени японо-китайской войны: это — раздѣленіе Китая. Къ счастью, по инициативѣ нашего миролюбиваго пра-

вительства, этотъ способъ рѣшенія настоящихъ затрудненій, кажется, оставленъ всѣми державами.

Рѣшеніе настоящей великой задачи сводится къ слѣдующимъ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) наказанію главныхъ виновниковъ настоящихъ смуть; 2) удовлетворенію за всѣ причиненныя убытки, и 3) изысканію мѣръ къ предупрежденію повторенія такихъ смуть. Крайняя мѣра наказанія, т.-е. смертная казнь, должна быть примѣнена по отношенію: къ князю Чжуану, какъ къ признанному правительствомъ главному начальнику ихэтуанцевъ; Инъ-няню, какъ его помощнику; генералу Дунъ-фу-сяну, бывшему душою анти-иностраннаго движенія, войска котораго вмѣстѣ съ ихэтуанцами громили иностранныя посольства въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; Юй-сяню, губернатору Сань-си, который былъ инициаторомъ, покровителемъ и поощрителемъ ихэтуанскаго движенія въ Шань-дунѣ и опозорилъ человѣческое имя массовымъ, звѣрскимъ истребленіемъ миссіонеровъ и христіанъ съ дѣтьми и женами въ Сань-си, и заядлому ихэтуанцу и ненавистнику иностранцевъ, министру Чжао-Шу-цэо. Та же участь должна бы постигнуть и князя Дуаня, бывшаго душою всего движенія и диктаторомъ, предъ необузданнымъ самовластіемъ котораго смолкали голоса благоразумныхъ совѣтниковъ правительства, или же, какъ Сюй-Цзинъ-чэнъ, бывшій посланникъ въ Петербургѣ, Юань-чанъ, членъ иностранной коллегіи, министры Сюй-Юнь-и и Ли-шань и членъ иностранной коллегіи Лянь-юань, поплатились жизнью за свою дерзость. Но полагаютъ, и не безъ основанія, что казнь его, какъ отца вновь избраннаго наслѣдника престола, сопряжена съ большими затрудненіями. Почти-тельность къ родителямъ, составляющая главную основу въ государственномъ управленіи Китая, обязываетъ сына къ мести за смерть отца. Спрашивается, съ какими чувствами сынъ князя Дуаня, по вступленіи на престолъ, будетъ относиться къ иностраннымъ державамъ, какъ виновникамъ смерти отца? Съ другой стороны, устраненіе наслѣдника, при отсутствіи другого лица, удовлетворяющаго требованіямъ китайскихъ узаконеній о престолонаслѣдіи, можетъ повести къ неожиданнымъ внутреннимъ осложненіямъ, которыя едва-ли въ настоящее время для кого-либо желательны. Притомъ, позволительно сомнѣваться, чтобы кто-либо изъ китайскихъ грандовъ взялся за такую деликатную миссію. По нашему мнѣнію, онъ могъ бы быть приговоренъ къ смертной казни, но съ замѣною ея, въ виду исключительнаго положенія его, пожизненною ссылкой въ самыя отдаленныя мѣста южнаго Китая.

Китай обязанъ возмѣстить всѣ убытки, какъ государственныя, такъ и частныя, непосредственно причиненныя иностраннымъ государствамъ и ихъ подданнымъ погромомъ ихэтуанцевъ, и вызванныя имъ военные расходы.

Въ виду крайняго истощенія государственной казны Китая и ограниченности его доходнаго бюджета, едва-ли достигающаго до 100.000.000 ланъ, уплата убытковъ и расходовъ могла бы быть произведена посредствомъ займовъ у каждаго изъ заинтересованныхъ иностранныхъ правительствъ на сумму, соотвѣтствующую его частнымъ и государственнымъ убыткамъ и военнымъ расходамъ. Гарантiей этихъ убытковъ должны служить соляной акцизъ и ликинный сборъ, строго урегулированный или же замѣненный увеличеніемъ тарифныхъ пошлинъ на соотвѣтствующую сумму. Увеличеніе тарифовъ по иностранной торговлѣ даже вдвое при условіи уничтоженія ликина, — чего такъ безуспѣшно, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, добивается Китай, — было бы только дѣломъ справедливости и, при баснословно низкихъ ставкахъ его въ настоящее время, не бывъ обременительнымъ для иностранной торговли, въ то же время дало бы Китаю опредѣленный доходъ болѣе, чѣмъ въ 20.000.000 ланъ, который могъ бы служить точною гарантiей проектируемыхъ займовъ. При этомъ Китаю должна быть возвращена свобода измѣненія тарифа чрезъ извѣстный опредѣленный срокъ.

Возмѣщеніе всѣхъ убытковъ, понесенныхъ христіанскими общинами и туземными христіанами, гдѣ это возможно, особенно въ деревняхъ, могло бы быть возложено на ближайшія ихэтуанскія селенія, являясь для нихъ дѣйствительною мѣрою наказанія, за учиненныя ими безобразія и жестокости. Само собою разумѣется, что христіанскіе храмы въ городахъ, со всѣми связанными съ ними учрежденіями, должны быть возстановлены за счетъ правительства.

Оккупационный международный отрядъ — въ размѣрѣ не менѣе 6.000 для Пекина и 4.000 для Тяньцзиня — долженъ оставаться въ нихъ до полнаго возстановленія спокойствія въ краѣ, который былъ объятъ мятежемъ; при этомъ изъ того и другого отряда должна быть выдѣлена сила, достаточная для прикрытія желѣзнодорожнаго сообщенія между Пекиномъ и Тяньцзинемъ, которая въ то же время будетъ служить связью между двумя отрядами.

Устройство въ Пекинѣ отдѣльныхъ концессій съ иностранными охранами и предоставленіемъ въ ихъ полное распоряженіе однѣхъ городскихъ воротъ.

Срытіе Дагускихъ укрѣпленій и запрещеніе возводить укрѣпленія и укрѣпленные лагери между Дагу и Пекиномъ.

Ограниченіе вооруженныхъ силъ Китая контингентомъ, потребнымъ для поддержанія внутренняго порядка въ странѣ.

Возвращеніе союзниками всѣхъ занятыхъ ими мѣстъ, при чемъ, однако, въ виду особыхъ географическихъ условій на русско-маньчжурской границѣ, правый берегъ Амура, во избѣжаніе новыхъ нарушеній нашей границы, на протяженіи 50-ти или 25-ти верстъ въ глубь страны долженъ быть объявленъ нейтральнымъ, съ исключеніемъ плаванія по Амуру китайскихъ судовъ безъ особаго разрѣшенія Россіи.

Ограниченіе дѣятельности миссіонеровъ чисто духовною сферою, съ положительнымъ запрещеніемъ вмѣшиваться во взаимныя отношенія по разнымъ мірскимъ дѣламъ своихъ духовныхъ чадъ съ язычниками.

Подтверженіе всѣхъ концессій и привилегій, законно утвержденныхъ китайскимъ правительствомъ за иностранными обществами и иностранцами.

Въ частности по отношенію къ Россіи требуется:

1) Изгнаніе всѣхъ зейскихъ маньчжуръ и китайцевъ, обитающихъ, въ силу ангунскаго договора 1857 г., на лѣвомъ, нашемъ берегу Амура.

2) Открытіе Сунгари и ея притоковъ для плаванія и торговли русскихъ судовъ, съ правомъ имѣть угольно-дровяные и товарные склады въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это будетъ признано нами необходимымъ, со взиманіемъ пошлинъ по тарифу.

3) Дозволеніе русскимъ караванамъ слѣдовать изъ Калгана западнымъ путемъ чрезъ Улясутай на Енисей.

Въ заключеніе я позволю себѣ сказать, что лучшею гарантіею противъ повторенія прискорбныхъ событій нынѣшняго года будетъ внесеніе иностранцами въ свои отношенія къ Китаю побольше справедливости и поменьше давленія и насилія.

П. Поповъ.

Пекинъ.
2 ноября 1900 г.

Post-scriptum. — „М. Г. — Прошу присоединить къ моему „Дневнику“ небольшую замѣтку о злосчастномъ министрѣ „Цзунъ-ли-я-мыня“, Юань-чанѣ, моемъ хорошемъ знакомомъ, съ приложеніемъ его знаменитаго доклада. Примите“ и пр. Пекинъ, 17 ноября 1900 г.

15-го іюля сего 1900 года подъ сѣкирою палача сложилъ свою голову одинъ изъ здравомыслящихъ людей и истинныхъ патріотовъ Китая, членъ иностранной коллегіи и жертвеннаго приказа, Юань-чанъ. Уроженецъ тун-лускаго уѣзда Чжэ-цзянской провинціи, Юань-чанъ доводился роднымъ правнукомъ Юань-цзы-цайю (1716—1797), пріобрѣтшему репутацію одного изъ извѣстныхъ поэтовъ настоящей династіи, и самъ считался недюжиннымъ поэтомъ и ученымъ, особенно въ области китайской археологіи. Получивъ въ 1876 г. на состязательныхъ испытаніяхъ высшую ученую степень магистра, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ занялъ должность секретаря иностранной коллегіи, которую занималъ болѣе десяти лѣтъ, успѣвъ за этотъ періодъ времени ознакомиться съ характеромъ политики иностранныхъ державъ въ Китаѣ и затѣмъ, какъ выдающійся изъ секретарей, получилъ должность таможеннаго даотая, или окружного инспектора, въ одномъ изъ портовъ, открытыхъ для иностранной торговли. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Юань-чанъ получилъ должность провинціального судьи, затѣмъ управляющаго гражданскою и финансовою частями сначала въ Нанкинѣ, а потомъ въ столичной провинціи, откуда былъ вызванъ въ Пекинъ, и, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ иностранною политикою, снова вступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но уже въ качествѣ не секретаря, а члена этого многочленнаго учрежденія. Само собою разумѣется, какъ младшій изъ членовъ, онъ не могъ занять въ немъ выдающагося положенія, особенно при совѣщаніяхъ съ иностранными представителями, во время которыхъ онъ зачастую сидѣлъ съ закрытыми глазами и потому извѣстенъ былъ подъ именемъ „спящаго министра“, но въ средѣ своихъ коллегъ онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ, какъ человѣкъ, болѣе другихъ знакомый съ иностранными дѣлами, которыя, послѣ японо-китайской войны, съ каждымъ днемъ становились болѣе и болѣе трудными, въ виду постоянно возрастающихъ безцеремонныхъ притязаній, назойливыхъ требованій и открытыхъ насилій иностранныхъ державъ. Какъ всякій китайскій патріотъ, каковымъ Юань-чанъ и былъ въ душѣ, онъ, подобно имъ, ненавидѣлъ иностранцевъ и, вспоминая тѣ времена, когда гордый Китай относился съ презрительнымъ высокомеріемъ къ порядкамъ тѣхъ иностранцевъ, потомки которыхъ теперь такъ унижаютъ его, онъ, конечно, не менѣе другихъ горѣлъ желаніемъ освободиться отъ нихъ. Но, какъ человѣкъ умный, онъ понималъ, что одряхлѣвшему, пропитанному духомъ поголовнаго взяточничества, съ совершенно опустѣвшею казною, безъ правильно организованной арміи и усвое-

нія западныхъ реальныхъ знаній, Китаю нельзя и думать о томъ, чтобы однимъ ударомъ избавиться отъ ненавистнаго ига иностранцевъ, а тѣмъ болѣе при содѣйствіи такой подозрительной тайной секты, какъ „И-хэ-туань“, съ прежнею исторіей которой онъ былъ хорошо знакомъ. Вполнѣ сознавая, что безумное, поголовное истребленіе иностранцевъ приведетъ Китай къ окончательной гибели, онъ съ патріотическимъ мужествомъ возсталъ противъ этого безумнаго плана и его главныхъ двигателей, отъявленныхъ невѣждъ временщиковъ, подстрекавшихъ и толкавшихъ вдовствующую императрицу на этотъ опасный путь, и написалъ свой знаменитый докладъ, который, въ соединеніи съ его личными заявленіями императрицѣ о всемъ безуміи и неминуемой грозной опасности для Китая нападенія на иностранныя посольства и истребленія иностранцевъ, послужилъ для ослѣпленнаго князя Дуаня и его клеветовъ мотивомъ къ обвиненію докладчика въ государственной измѣнѣ и къ вынужденію указа о его немедленной казни. Докладъ этотъ, какъ безспорный актъ государственной мудрости и здраваго патріотизма, мы представляемъ ниже, въ переводѣ, вниманію читателей и выражаемъ надежду, что иностранные представители въ своихъ переговорахъ съ Китаемъ сочтутъ долгомъ требовать отъ китайскаго правительства возстановленія въ глазахъ народа добраго имени злополучнаго Юань-чана.

Докладъ члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Юань-чана, объ уничтоженіи мятежныхъ ихэтуаньцевъ.

„Съ 30—31 мая начались волненія ихэтуаньцевъ. Въ столицѣ князья и сановники ежедневно призываются на аудіенціи. Ихъ величества удручены заботами о династіи и государствѣ, предаваясь глубокимъ думамъ о наилучшихъ мѣрахъ къ спасенію ихъ и совѣтуясь съ чинами имперіи. Мы глубоко виноваты и чувствуемъ стыдъ и негодованіе, потому что не могли прежде другихъ отвратить напасть и тѣмъ облегчить заботы и труды государя-отца.

„Обращаясь къ указу 1808 года, находимъ, что въ Шаньдунской и Хэ-наньской провинціяхъ появились мятежники, основали секту Па-гуа и И-хэ-цюань, которыя въ дѣйствительности были не что иное, какъ вырожденія секты бѣлаго неюфара. Поэтому былъ изданъ строгій указъ о тайной поимкѣ и наказаніи адептовъ ихъ. Въ прошломъ году у-цяоскимъ уѣзднымъ начальникомъ, Лао-най-сюанемъ, была опубликована весьма подробная

записка по этому предмету. Въ апрѣлѣ настоящаго года шань-дунскій губернаторъ Юань-ши-кай, въ отвѣтномъ докладѣ на высочайшій указъ, заявилъ, что образованіе изъ ихэтуаньцевъ войска ни подъ какимъ видомъ дѣло немислимое. Такое заявленіе его въ высшей степени справедливо и разумно. Затѣмъ, бывшій шань-дунскій губернаторъ Юй-сянь, въ рѣшеніи дѣла о мятежникахъ пинъ-юаньскаго уѣзда, заявилъ, что глава ихэтуаньцевъ, Чжу-хунь-дэнъ, самъ называлъ себя потомкомъ Минской династіи, нелѣпыми толками смущалъ народъ, который повсюду откликался на его призывъ. Къ счастью, онъ былъ пойманъ и казненъ. Фактъ этотъ служитъ яснымъ доказательствомъ того, что ихэтуаньцы не обладаютъ чарами, которыя могли бы дѣлать ихъ неуязвимыми. Въ прошломъ году я разспрашивалъ генерала Чэнь-вэнь-бина, который рассказалъ мнѣ слѣдующій фактъ: „Въ 1895 году, когда я стоялъ съ моимъ отрядомъ въ окрестностяхъ столицы, здѣсь встрѣтилось мнѣ 40—50 шань-дунскихъ ихэтуаньцевъ, изъявившихъ охоту поступить въ ряды моего отряда; я подвергъ ихъ искусство испытанію посредствомъ ружья и меча, и тотчасъ же показала кровь, и испытуемые оказались убитыми“. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти чары ихъ совершенно не заслуживаютъ довѣрія. Между тѣмъ главарь ихъ привлекъ массу приверженцевъ и давно питаетъ мятежные замыслы, безумно называя себя потомкомъ Миновъ, мутитъ народъ. Это является новымъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что ихэтуанизмъ—зловредная секта, и послѣдователи ея—мятежники. Когда, 3-го декабря прошлаго года, я имѣлъ счастье представляться вашимъ величествамъ, тогда, по поводу безпорядковъ, производимыхъ ихэтуаньцами подъ предлогомъ вражды къ христіанамъ, я лично докладывалъ вамъ, что это—зловредная секта, начинающая мятежь, и что къ подавленію ея заблаговременно должны быть приняты мѣры. Вслѣдъ за этимъ шань-дунскій губернаторъ Юань-ши-кай приложилъ дѣйствительныя старанія къ прекращенію вредной дѣятельности этой секты, истребивъ болѣе десяти шаекъ, и Шань-дунъ успокоился. Вначалѣ ученый классъ, увлекшись ошибочною вѣрою, порицалъ шань-дунскаго губернатора, говоря, что онъ не долженъ былъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Говорившіе такъ, дѣйствительно, были неучи и невѣжды, принимавшіе превратное ученіе за истинное; но въ послѣднее время и они соглашаются, что губернаторъ поступилъ правильно. Зимой прошлаго года я, вслѣдствіе статьи Лао-най-сюаня, предложилъ членамъ иностранной коллегіи представить докладъ, испрашивая въ немъ высочайшаго повелѣнія шань-дунскому губернатору объ

уничтоженіи мятежниковъ, но, въ виду того, что принятія губернаторомъ мѣры уже оказали свое дѣйствіе, докладъ этотъ не былъ представленъ.

„Но, сверхъ чаянія, только-что Шань-дунская провинція успокоилась, какъ ихэтуаньцы проникли въ Чжилійскую провинцію. Генераль-губернаторъ безучастно смотрѣлъ и медлилъ; взлѣблялъ язву, причинилъ зло допущеніемъ распространенія ихэтуанизма. Что на первыхъ порахъ онъ плохо вникъ въ дѣло, — это его вина, отъ которой ему трудно отказаться. Когда же въ уѣздѣ Лай-шуй ихэтуаньцами былъ убитъ командиръ китайскаго отряда, генераль-губернаторъ увидѣлъ, что эти сектанты, прикрываясь враждою къ христіанскимъ прозелитамъ, ясно показали себя своею мятежнической дѣятельностью, — и тогда только представилъ по телеграфу докладъ, съ просьбою приступить къ истребленію мятежниковъ. Но мнѣнія центральнаго правительства и провинціальныхъ властей разошлись. Явились медленность и нерѣшительность. Ихэтуаньцы не только овладѣли И-чжоу, но мятежь распространился на Юнь-цинъ и Ба-Чжоу. Безнаказанность за убійство офицера въ Лай-шуй еще болѣе придавала храбрости мятежникамъ, которые, вслѣдъ за этимъ, сожгли и разрушили бао-динъ-фускую и тянь-цзинъ-пекинскую желѣзныя дороги и желѣзнодорожный телеграфъ отъ Пекина до Тяньцзиня и далѣе — до Калгана. Всѣ эти сооруженія были произведены на казенныя средства и на суммы, заимствованныя у иностранцевъ. И это имущество, стоившее нѣсколько милліоновъ, въ одинъ день было предано огню и разрушенію. Это заслуживаетъ глубокаго сожалѣнія. Затѣмъ, въ нѣсколькихъ сотняхъ мѣстъ сожжены христіанскіе храмы и избиты христіане. Удовлетвореніе за все это также обойдется не мало. Положимъ, что между христіанами и язычниками существуетъ вражда, обратившаяся въ ненависть; но мѣстныя власти, воспринявъ государственные законы, конечно, имѣютъ средства къ безпристрастному рѣшенію тяжбныхъ дѣлъ; имъ стоитъ только руководствоваться правотою или кривдою самаго дѣла, не различая язычниковъ и христіанъ, и ни подъ какимъ видомъ не допускать негодяевъ до самосуда. Между тѣмъ, мы видимъ, что съ 30 и 31 мая эти негодяи осмѣлились тайно проникнуть въ столицу, разбойничать въ ней, жечь и разрушать христіанскіе храмы, осаждаютъ посольства, повсюду предаваться всякимъ неистовствамъ, поджигать и убивать и приводить въ трепетъ дворецъ. Положительно, это — преступленіе великое и зло крайнее, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть прощены. 3 іюня за Цянь-мыньскими воротами, въ тор-

говомъ городѣ, они предали огню болѣе тысячи домовъ; всѣ собранныя тамъ сокровища были сожжены и разграблены до-чиста; жители переселились въ другія мѣста; купцы закрыли лавки и совершенно прекратили торговлю; всѣ переводы и выдачи также сдѣлались невозможными; Пекинъ принялъ видъ крайняго застоя. Давъ мятежникамъ волю безчинствовать, жечь, убивать и неистово кричать, мы дѣйствительно служимъ посмѣшищемъ и позоромъ для сосѣднихъ державъ. Всѣ иностранные представители, въ виду враждебнаго настроенія мятежниковъ къ христіанамъ, опасаясь сдѣлаться жертвами ихъ злодѣйства, вынуждены сами охранять себя. Въ настоящее время у нихъ всего только четыреста слишкомъ человѣкъ, которые охраняютъ ихъ жизнь. Это—дѣйствительная правда. 30-го числа, когда членъ государственнаго совѣта, вмѣстѣ съ другими сановниками, отъ лица императрицы освѣдомлялся о здоровьѣ иностранныхъ представителей и ихъ женъ, то они, бывъ глубоко тронуты вниманіемъ вашего величества, заявили, что они вызываютъ войска для охраны посольствъ и защиты жизни и никоимъ образомъ не будутъ мѣшаться во внутреннія дѣла китайскаго правительства, и что, по усмиреніи мятежниковъ и восстановленіи спокойствія, они немедленно будутъ выведены. Они въ этомъ клялись, и заявленія ихъ положительно неложны.

„Для насъ въ настоящее время единственнымъ средствомъ является прежде всего очищеніе внутренняго города отъ мятежниковъ, съ цѣлью умиротворить населеніе и успокоить иностранцевъ, чѣмъ только и можно удержать вновь вызванныя ими войска. Ясное дѣло, что только при непремѣнномъ условіи истребленія мятежниковъ самимъ Китаемъ можно избавиться отъ содѣйствія иностранныхъ войскъ въ подавленіи мятежа.

„По моему скромному мнѣнію, въ военномъ дѣлѣ самое опасное, это—многочачаліе. Въ случаѣ разногласія во мнѣніяхъ, при отсутствіи единовластія, является взаимное безучастіе, а отсюда и упущеніе случая. Въ настоящее время были издавы строгіе указы, предписывающіе жандармеріи, среднему отряду У-вэй, совмѣстно съ гвардейскими (?) войсками, принимать строгія мѣры къ поимкѣ главарей и немедленному разсѣянію ставшихъ въ ряды мятежниковъ по принужденію, а также разрушить всѣ алтари ¹⁾, устроенные ими въ маньчжурскомъ и китайскомъ городѣ. Несмотря на это, войска бездѣйствовали, а мятежники продолжали

¹⁾ На алтарѣ у ихэтуаньцевъ ставилась дощечка съ надписью: „Хунь-цзюнь-лао-цзу“, то-есть: творецъ, небо,—предъ которой возжигались свѣчи съ колѣнопреклоненіемъ.

безобразничать по прежнему. Составленные, по высочайшему повелѣнію, жандармерію, столичнымъ областнымъ управленіемъ и городской полиціей правила положительно остались мертвою буквою, и никто и никогда не заботился объ ихъ исполненіи. Причиною этого—отсутствіе единовластія. Чѣмъ долѣе скопища ихэтуаньцевъ останутся, тѣмъ болѣе они будутъ посѣвать смуты, и дѣло окончится громаднымъ переворотомъ. Припадая, умоляю ваше величество вспылать гнѣвомъ и благоговѣнно приступить къ небесной карѣ ихъ для того, чтобы доставить спокойствіе вашимъ царственнымъ предкамъ и тишину мириадамъ вашихъ подданныхъ. Возложите спеціально на канцлера Жунъ-лу дѣло истребленія и умиротворенія мятежниковъ, съ предоставленіемъ ему полной свободы дѣйствія. Пусть онъ сначала очиститъ внутренній (маньчжурскій) городъ, немедленно издавъ, по высочайшему повелѣнію, во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее объявленіе: „Всякаго мятежника, съ красною повязкою на головѣ и подпоясанаго краснымъ кушакомъ, вооруженнаго саблею и совершающаго поджогъ или убійство, дозволяется безнаказанно убивать“. Вмѣстѣ съ этимъ, пусть будетъ вывѣшено распisanіе съ обѣщаніемъ щедрыхъ наградъ, а именно: за поимку и доставленіе главы мятежниковъ, называемаго „почтеннымъ основателемъ ученія“ или „великимъ наставникомъ-братцемъ“, выдается въ награду 20.000 ланъ съ немедленнымъ повышеніемъ въ чинахъ не по градаціи; за взятіе въ плѣнъ и отрубленіе головы старшинѣ круга—500 ланъ, а за остальныхъ мятежниковъ за каждую голову—по 100 ланъ, съ заявленіемъ о своемъ имени въ ожиданіи высочайшей награды. Канцлеръ Жунъ-лу, какъ важный государственный сановникъ, долженъ служить сдерживающимъ началомъ, а не обременять себя мелкими вопросами, для которыхъ въ помощь ему должны быть назначены дѣльные люди. Такими помощниками, по моему скромному мнѣнію, могли бы быть секретарь у-вэйскаго отряда, даотай Пань-Цзэнъ-сянь, извѣстный своею смѣтливостью, оберъ-секретарь сената Гуй-чунь¹⁾, человѣкъ преданный, мужественный, разумный и рѣшительный, прокуроръ Хуанъ Гуй-цзюнь, извѣстный своею честностью и пониманіемъ дѣла, и столичный областной начальникъ Чэнь-Куй-лунъ, человѣкъ усердный къ службѣ. Затѣмъ изъ у-вэйскаго средняго отряда слѣдуетъ выбрать дѣльныхъ офицеровъ и лучшихъ солдатъ, съ раздѣленіемъ на нѣсколько командъ; если ко-

¹⁾ Членъ иностранной коллегіи, получившій-было назначеніе на постъ посланника въ Петербургъ, говорятъ, симпатизировавшій ихэтуанцамъ.

мандиры будутъ дѣльные люди, то 300 человѣкъ вполне будетъ достаточно для каждой команды. Послѣ этого испросить указъ о закрытіи на время трехъ южныхъ воротъ, строго преслѣдовать бродячій людъ, дозволяя выходить изъ города, но не входить въ него, и тогда приняться повсюду за розыскъ мятежниковъ, вмѣнивъ въ обязанность совершенно очистить отъ нихъ всѣ заброшенныя капища и кумирни. Приказать жандармскому управленію и министерству уголовныхъ дѣлъ командировать способныхъ чиновниковъ, размѣстить ихъ по разнымъ судебнымъ участкамъ съ тѣмъ, чтобы они, по произведеніи краткаго допроса пойманнымъ мятежникамъ, входили съ докладомъ къ главнокомандующему о преданіи ихъ немедленно смертной казни на мѣстѣ; остальныхъ разсѣять, выгнать изъ Пекина и препроводить на родину. Намъ могутъ сказать, что этихъ мятежниковъ много, и нельзя ихъ истребить. Но эти господа не знаютъ, что только главари мятежниковъ начинаютъ смуты, а остальные—большею частью невѣжественные деревенскіе мужики, между которыми есть юноши и взрослые. Другіе могутъ намъ сказать, что ихэтуаньцы обладаютъ волшебною силою. На это мы позволимъ себѣ замѣтить, что предводитель „желтыхъ колпаковъ“, Чжанъ-цзю ¹⁾ и другой мятежникъ конца Юаньской династіи (половины XIV в.), Пань-гуань, оба обладали волшебнымъ искусствомъ, но, въ концѣ концовъ, все-таки были взяты въ плѣнъ и казнены. Всѣ эти негодяи днемъ скрываются, а ночью дѣйствуютъ, увѣряя, что они призываютъ духовъ; все это ограничивается кабалистикой, заклинаніями, спиритизмомъ, употребленіемъ злыхъ духовъ въ качествѣ служебныхъ силъ и т. п. темными искусствами. Стѣдитъ только этимъ людямъ встрѣтиться съ предметами, соединяющими въ себѣ свѣтъ и звукъ, какъ высшее проявленіе свѣтовой энергіи;—напримѣръ, съ ружьями и пушками,—какъ они немедленно убиваютъ ихъ. Если эти мятежники обладаютъ искусствомъ уклоняться отъ ружей и пушекъ, то какимъ образомъ 30 и 31 мая, при многократныхъ нападеніяхъ ихъ на иностранныя посольства, каждый залпъ иностранныхъ солдатъ клалъ ихъ на мѣстѣ по нѣскольку человѣкъ? Вчера въ переулкѣ Шуай-фу они уложили болѣе 40 ихэтуаньцевъ и до основанія разрушили ихъ алтарь. Въ числѣ многомилліоннаго столичнаго населенія, облагодѣтельствованнаго вашими щедротами, въ сущности нѣтъ ни одного бунтовщика; такими являются только нѣсколько главныхъ коно-

¹⁾ Мятежникъ конца Ханьской династіи, чарами, наговорами и шарлатанствомъ привлечшій къ себѣ массу народа, поднявшій въ 184 году знамя возстанія, овладѣвшій сѣвернымъ Китаемъ и, въ концѣ концовъ, казненный.

водовъ ихэтуаньцевъ. Коль скоро они будутъ пойманы и казнены, людскія сердца содрогнутся предъ закономъ, мятежники падутъ духомъ и народныя умы сами собою совершенно успокоятся. Въ истребленіи и разсѣяніи мятежниковъ также должна принять участіе вся городская полиція, обученная милиція и пожарныя команды.

„Съ очищеніемъ отъ мятежниковъ внутренняго маньчжурскаго города, иностранныя посольства, по милости вашихъ величествъ, бывъ защищены, будутъ глубоко признательны за возвращеніе имъ жизни, и прибытіе новыхъ иностранныхъ отрядовъ, конечно, можетъ быть задержано. Даже, еслибы они прибыли, ихъ можно будетъ удалить, заявивъ, что, съ очищеніемъ города отъ мятежниковъ, въ защитѣ ими иностранныхъ посольствъ нѣтъ надобности.

„Однимъ словомъ, согласно Чжоу'скому обряднику ¹⁾, для умиротворенія государства, объятаго мятежемъ, слѣдуетъ употреблять суровыя наказанія (казни).

„Колебаніе въ этомъ случаѣ невозможно. Если же мы будемъ медлить истребленіемъ ихъ, то и тѣ изъ нихъ, которые смирились, выйдутъ изъ повиновенія; въ то же время и всѣ иностранныя державы, подъ вліяніемъ глубокаго негодованія, поднимутся для отмщенія. Это поведетъ къ неисчислимымъ бѣдствіямъ. Вмѣсто того, чтобы чужеземнымъ войскамъ мѣшаться въ истребленіе мятежниковъ, —непремѣннымъ послѣдствіемъ чего будетъ столкновение иностранныхъ войскъ съ мятежными кулачниками, столица обагрится кровью, безчисленное множество мирныхъ гражданъ будетъ погублено и все придетъ въ состояніе непоправимаго разложенія, —не лучше ли намъ самимъ заняться истребленіемъ ихъ? Это можно поставить иностранцамъ на видъ, чтобы лишить ихъ повода къ разговорамъ, и тѣмъ спасти общій интересъ. Династія останется спокойною и народъ будетъ весьма счастливъ.

„Канцлеръ Жунъ-лу —человѣкъ, преданный интересамъ государства. Если онъ будетъ назначенъ спеціальнымъ указомъ, то, при сосредоточеніи обязанностей въ одномъ лицѣ, успѣхъ будетъ скорый. Что же касается международныхъ затрудненій, то и они, сообразно съ обстоятельствами, могутъ быть разрѣшены должнымъ образомъ“.

Чжоу. П. С. Поповъ

¹⁾ Составленъ Чжоу-гуномъ, дядею и регентомъ китайскаго князя Чэнь-вана, въ XII ст. до Р. Хр.

ЕЩЕ О СТАРОСТИ

Какъ часто жизнь любовно манить
И шепчетъ мнѣ:—ты мой пока;
И юной ласкою туманить
Пытливый разумъ старика!

О, какъ я суетно и праздно
Влачу сочтенные мнѣ дни,
Среди манящаго соблазна
И стерегущей западни!

Межъ тѣмъ ужъ то едва ли не чудо,
Когда путь жизни позади,
Что сердце ветхое покуда
Еще работаетъ въ груди.

Приди же, время покаянья;
Приди, досугъ для долгихъ думъ;
И не мѣшай, житейскій шумъ,
Мнѣ погружаться въ созерцанья!

Алексѣй Жемчужниковъ.

10 февраля 1901 г.

